

Участники ансамбля вентспилского межсоюзного клуба. Фото Р. Диамента.

ОГОНЁК

№ 29 ИЮЛЬ 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 29 (1726)

17 ИЮЛЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРЕБЫВАНИЕ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА В АВСТРИИ. Советская делегация посетила поместье Иозефа Фигля, брата президента Национального совета Австрии. По крестьянскому обычаю девушки встретили гостей песней.

Австрия. Жители Филлаха приветствуют высокого советского гостя.

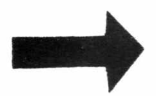
Дружба встречала на каждом шагу

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Визит в Австрию главы Советского правительства, неутомимого борца за мир, окончен. Прошло время, но, кажется, до сих пор слышны идущие от сердца возгласы:

«Хру-щев!!! Бра-во!!!» Словно



↓ Так встречал Грац главу Советского правительства.





↑Новое знакомство в деревушке Имлау.

горное эхо, перекатывались они по всей Австрии.

Мир был свидетелем недавнего позорного провала поездки президента США по странам Дальнего Востока. В Австрию съехалось огромное количество журналистов из западных стран. Они рыскали в бесполезных поисках чего-нибудь скандального. Но их усилия были тщетными...

«Добро пожаловать, Хрущев», «Мир, дружба!» — говорили сотни плакатов на улицах Вены. Советский и австрийский флаги реяли в дружеской близости.

Рабочие завода «Австро-Фиат» восторженно встретили предложение главы Советского правительства о расширении торговли. Деловые люди в Федеральной торгово-промышленной палате горячо приветствовали развитие экономических связей. Казалось бы, надо ли искать лучшего примера мирного сосуществования государств с различными системами?

— Не то,— морщатся западные газетчики.

— Нет, именно то, что нужно нашим странам! — отвечают австрийцы.

Ранним утром глава Советского правительства, доставляя немало хлопот австрийской полиции, гуляет по Линцу. В кондитерской, в автомобильном магазине, у прилавка с тканями он разговаривает с жителями города. Приветливые улыбки, добрые пожелания.

— Браво, Никита!!! — перекрывая гул мартена, несется по цеху завода «Фёст». Это австрийские рабочие приветствуют бывшего шахтера, премьера великого государства трудящихся...

Маленький горный цветок эдельвейс. Сегодня он в руках советских делегатов. Это знак глубокого уважения австрийцев к нашей стране.

Горняки Клейберга в шапочках с султанчиками, железнодорожники, металлисты, химики... Они беседуют с Н. С. Хрущевым, просят передать приветы советскому народу, пожелания счастья и успехов.

Грац. Может быть, здесь, в Штирии, все-таки что-то произойдет, надеются западные журналисты, из чего можно состряпать антисо-



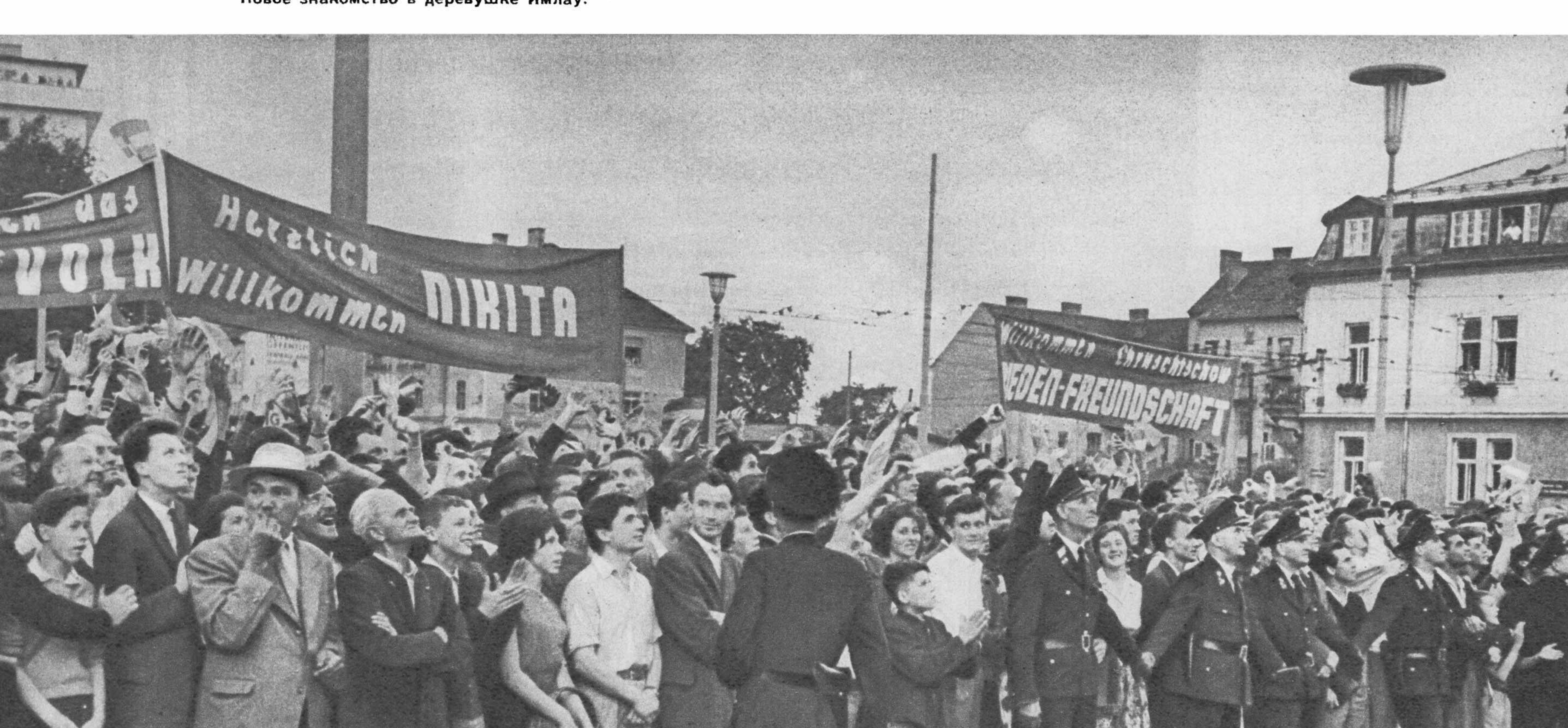
Они тоже пришли встречать дорогого гостя.



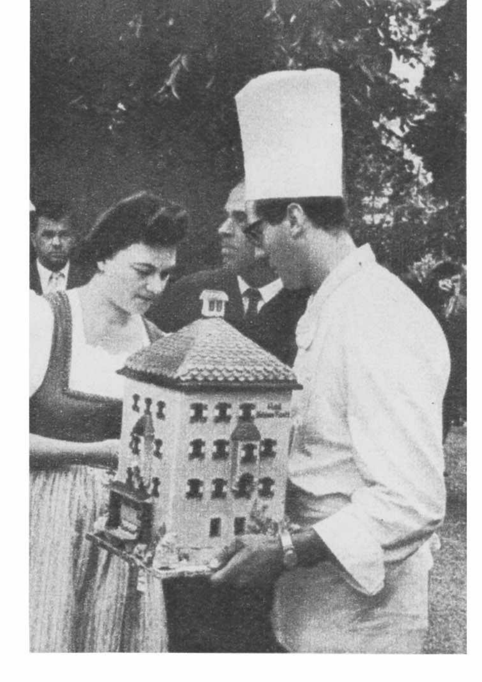
Рабочие завода «Фёст» провожают Н. С. Хрущева.



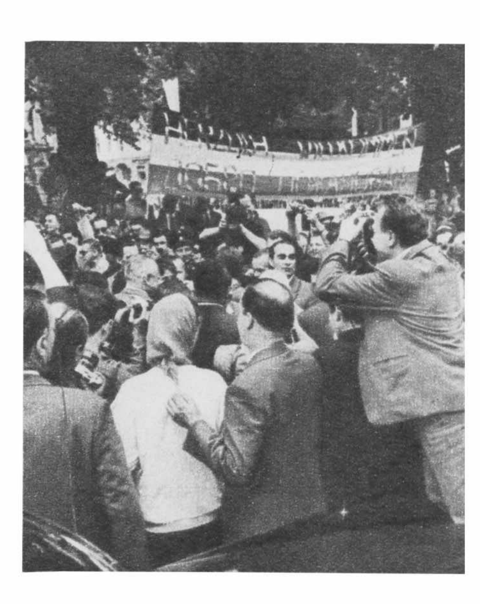
Пусть видят и наш плакат.



На гидростанции Капрун, в Альпах.



В замке Фушль готовят подарок.



В Клагенфурте. Горячая минута для фотокорреспондентов.



На станции Бёкштейн. «Счастливого вам пути, дорогой Никита Сергеевич!»





Приехали встретить советских гостей...

ветскую клевету? Ведь церковь призывала: «Оставайтесь дома. Не встречайте советских делегатов!»

Но никогда еще тихий Грац не видал такого скопления народа на улицах, на привокзальной площади.

— Хрущев!!! Фриден! Фройндшафт!!! — гремит площадь.

Как друга, приняла Австрия Никиту Сергеевича, как другу, открыла ему свое сердце. Иначе и быть не могло: он обращался к австрийцам с самыми дорогими сердцу каждого человека словами — словами о мире.



ПЛЕНУМ ЦК КПСС

13 июля в Кремле открылся Пленум ЦК КПСС. Пленум обсуждает вопросы о ходе выполнения решений XXI съезда КПСС о развитии промышленности, транспорта и внедрении в производство новейших достижений науки и техники. На снимке: в перерыве между заседаниями Пленума. Трудящиеся Москвы приветствуют в Кремле руководителей партии и правительства.

Фото Я. Рюмкина.

Сегодня страна отмечает День металлурга. С каждым годом «виновников» этого торжества становится все больше — задуваются новые домны. Кипит, бушует сталь в новых мартенах. Раскаленные полосы металла скользят в новых прокатных станах. И за всем этим укрощением металла следят тысячи внимательных глаз металлургов, людей огненной профессии.

...Климат сталеплавильного цеха на Новолипецком металлургическом заводе, как и любого другого ему подобного, на редкость постоянный. Тут не бывает зимы. Если даже за стенами цеха лютуют морозы, здесь жаркое лето, и люди с защитными очками на кепках всегда загорелые, ловкие и озабоченные. Сегодня, в день своего праздника, многие стоят на трудовой вахте около своих печей. Такая уж беспокойная профессия у них — сталевары!

Фотокорреспондент побывал в электросталеплавильном цехе Новолипецкого металлургического завода накануне праздника металлургов. На нашем снимке — сталевар Иван Базыкин (слева) и подручный Валентин Журенков. А всего их в бригаде шесть человек, веселых, сильных, дружных. И подружили эту шестерку печь, огонь и сталь.

— Посмотрите на них. Это же часовой механизм. Ни одного лишнего движения, будто лет десять работали вместе. А на самом деле всего второй год,— говорит мастер Дмитрий Иванович Шамрей.

Сам мастер приехал в Липецк с Украины, а в бригаде — его воспитанники. Подручные считают его крестным отцом. Он их учил «сталеплавильному уму-разуму», многих возил на практику на свой завод в Запорожье.

Иван Базыкин рядом с печью кажется совсем маленьким. И выглядит очень молодо, хотя уже опытный сталевар.

— Народ у нас огневой, как эта самая печка,— говорит он.— И, конечно, дружный. Что сталью сплавлено, водой не разольешь! Валя Журенков, например, когда пришел из технического училища, все мечтал о море, а теперь к совсем другой стихии пристрастился — к огню. Сегодня вот первого подручного подменяет. Сталеваром будет первоклассным.

В печи кипит, неистовствует металл, трассирующие пули искр ударяют в пол. Плавка идет нормально. Ирина Бабкина в своей застекленной комнате внимательно следит за показаниями приборов.

По цеху мечутся красные блики. Недалеко от электросталеплавильного цеха вырос гигантский листопрокатный цех. Он будет крупнейшим поставщиком стальных листов для трансформаторов. Цех набирает мощность. Сталевары не подведут своих друзей — прокатчиков.

О. ВАСИЛЬЕВ

Фото Д. Бальтерманца.

ЛЮДИ ОГНЕННОЙ ПРОФЕССИИ



Не уйти пиратам от возмездия!

ВЫЛЕТ НАПЕРЕХВАТ

Поднявшись в воздух по тревоге, капитан Василий Поляков стремительно набирает высоту. В повседневной боевой учебе летчик-истребитель не раз выполнял полеты наперехват «противника» и его уничтожение. Но на этот раз противник не условный. Чужой самолет вторгся в воздушные пределы Родины. Пиратский полет надлежит пресечь — таков боевой приказ.

Капитан слегка волнуется. У него нет за плечами боевого опыта. Волнуются и друзья-однополчане, особенно техник-лейтенант Денисенко и механик Хороший. Они готовили к полету самолет Полякова.

Летчик, набрав нужную высоту, переводит машину в горизонтальный полет, точно выдерживает заданный курс, увеличивает скорость — лишь бы не ушел враг! Но штурман наведения старший лейтенант Анатолий Котляров работает безукоризненно.

Поляков ясно видит длинный хищный силуэт самолета, его косо отброшенные назад крылья, опознавательные знаки воздушных сил Соединенных Штатов Америки.

«РБ-47» — один из основных типов самолетов стратегической авиации США. У него шесть двигателей, скорость — 850—950 километров в час, потолок — 14 тысяч метров. Американские генералы хвастливо называют его неуязвимым и недосягаемым. Но Василий Поляков легко сближается с ним и подает сигнал следовать за собой. «РБ-47» продолжает лететь прежним курсом. Еще и еще раз советский истребитель повторяет сигнал, но результат прежний. Чтобы задержать нарушителя, остается единственное средство. Василий Поляков смело атакует нарушителя и первой же очередью зажигает «РБ-47». На аэродроме друзья горячо поздравили отважного летчика с победой.

— Всегда готов направить свой истребитель на любого нарушителя границ нашей Родины,— ответил Василий Поляков.

Подвиг летчика высоко оценило Советское правительство, наградив его орденом Красного Знамени.

Гневно осуждая провокационные полеты американских воздушных пиратов, весь советский народ говорит словами Никиты Сергеевича Хрущева: «Пусть не рассчитывают господа провокаторы и исполнители их злой воли на безнаказанность подобных действий».

А. ГОЛИКОВ

Кони ЗИЛЛИАКУС, депутат английского парламента

АНГЛИЯ—АНГЛИЧАНАМ

Редакция журнала «Огонек» вызвала по телефону Лондон и обратилась к члену английского парламента с просьбой ответить на несколько вопросов в связи с пиратским рейсом американского военного самолета в воздушное пространство СССР.

Вопрос. Как общественность Англии отнеслась к известию о новом вторжении в воздушное пространство СССР американского военного самолета, вылетевшего с авиационной базы на Британских островах?

Ответ. События в Баренцевом море застали врасплох правительство и глубоко взволновали парламент и общественное мнение Англии. Премьер-министру Макмиллану пришлось нелегко, когда он старался отвечать на ряд острых вопросов в палате общин. Он вынужден был пообещать, что потребует пересмотра и уточнения расплывчатого словесного соглашения 1951 года о контроле над американскими базами в Англии. Предстоит новая схватка между оппозицией и правительством во время прений в палате общин на будущей неделе. Возмущение среди рядовых лейбористских депутатов всеобщее. Оно заметно и среди части консерваторов.

Вопрос. Что пишет британская печать об этом провокационном полете?

Ответ. Английская печать открыто признает: во-первых, американские власти хозяйничают и распоряжаются у нас на своих базах, как хотят; во-вторых, что полет «РБ-47» отнюдь не был предпринят с невинной целью «электромагнитных исследований», как утверждают американские официальные источники, а явно был военно-разведывательным полетом.

Газета «Таймс» в передовой статье резко осуждает «глупость и опасность» подобных полетов. Но «Таймс», как и те политические деятели, которые стоят за сохранение американских баз, делает лишь тот вывод, что нам-де нужна «эффективная система контроля» и больше ничего!

Вопрос. Какие выводы делают из этого события сторонники мира в Англии?

Ответ. Некоторые органы печати отмечают «со скорбью и тревогой», что история с посылкой самолета «РБ-47» еще больше подкрепит и без того сильное в английском народе движение за радикальное решение вопроса: за полный отказ Англии от ядерного оружия, от ядерной стратегии, от политики «с позиции силы». Да, это широкое общественное движение теперь еще более твердо потребует ликвидации американских баз на английской территории, еще более решительно будет протестовать против политики, грозящей вовлечь Англию в войну.

Вопрос. Окажет ли военная провокация американцев влияние на политику лейбористской партии?

Ответ. Как раз сегодня газеты сообщили о том, что крупнейший профсоюз металлургов занял такую позицию, о которой говорилось выше. Исчезает последняя надежда лидеров лейбористской партии на успех их «оборонной программы» на ежегодной конференции лейбористской партии в конце сентября. Уже сложилось солидное большинство в рядах тред-юнионов за решительную политику, направленную против ядерной стратегии и против американских баз на английской земле.

Капитан Василий ПОЛЯКОВ.

Фото Б. Иванова.

«Если появится новый Муссолини, мы, скорее всего, пойдем за ним»,— это открыто заявляют представители итальянской неофашистской организации, именуемой «Итальянское социальное движение». Пользуясь поддержкой правительства, которое не брезгует голосами фашистских подонков, поклонники дуче действуют все более нагло. 2 июля в Генуе — городе, который вписал славные страницы в историю итальянского движения Сопротивления, фашисты наметили провести съезд вышеупомянутой организации. Трудящиеся Генуи, бывшие партизаны, представители молодежи и демократической интеллигенции вышли на улицы города, чтобы решительно протестовать против сборища фашистов.

Для разгона стотысячной демонстрации была брошена полиция. Между полицейскими и демонстрантами произошли ожесточенные схватки.

События в Генуе вызвали волну забастовок и антифашистских манифестаций по всей Италии: массовые выступления состоялись в Риме, Болонье, Ферраре, Реджо-Эмилии, Палермо. По приказу правительства про-



тив демонстрантов были направлены вооруженные отряды полиции.

Особенно жестоко расправились с антифашистами в Реджо-Эмилии, где полиция открыла стрельбу из автоматов. Пять человек были убиты, многие ранены. Есть жертвы и в других городах.

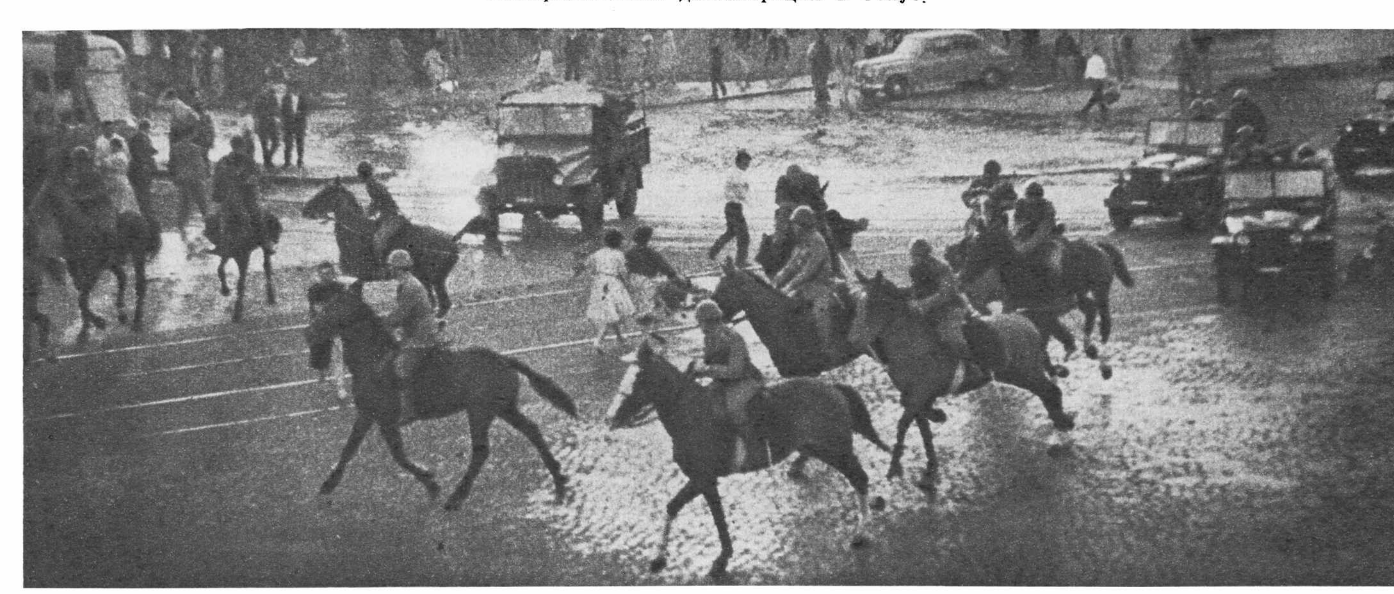
Кровавые события получили немедленный отклик в парламенте, где левые депутаты потребовали отставки правительства Тамброни, опирающегося на неофашистские элементы. Представители правых партий выступили против. Между депутатами произошла настоящая потасовка.

По всей стране проходят забастовки и демонстрации. Их участники решительно требуют прекращения позорного сговора верхушки правящей партии с поднявшим голову фашизмом. Народ Италии, который проливал свою кровь, чтобы освободить страну от режима Муссолини, не позволит новоявленным сторонникам дуче возродить фашистскую тиранию.

Фото из газеты «Паэзе сэра» и Ассошиэйтед Пресс.

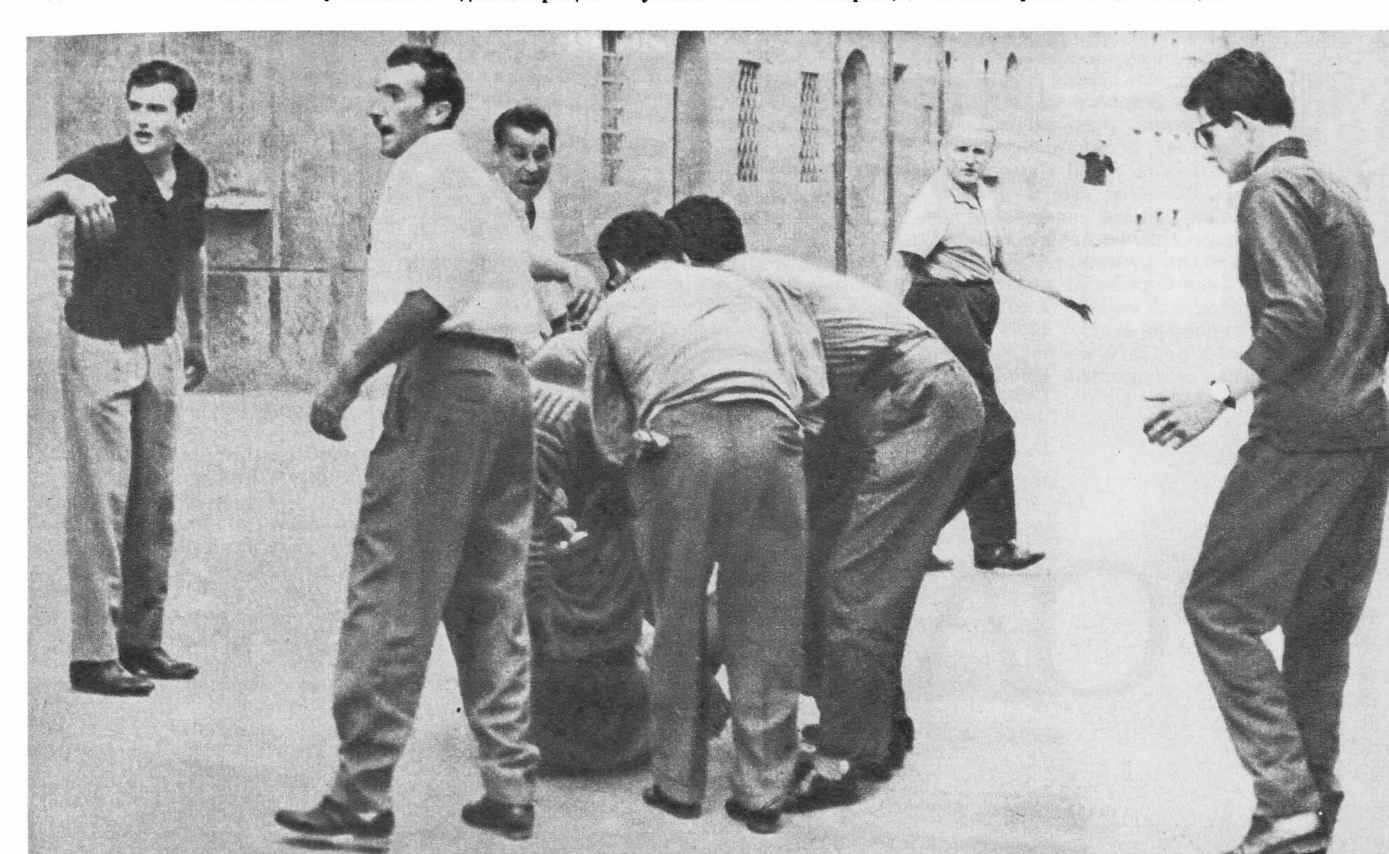


Антифашистская демонстрация в Генуе.



На площади Порта Сан Паоло в Риме конная полиция напала на демонстрантов. В столкновениях с полицией было ранено около двухсот человек.

Реджо-Эмилия. Рабочие — участники демонстрации — уносят своего товарища, тяжело раненного полицией.



СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКЕ — ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Ян СУДРАБКАЛН, народный поэт Латвийской ССР

Летом 1940 года радостно бились сердца эстонцев, литовцев и латышей: исполнились мечты трех народов. Три республики вошли в братскую советскую семью, сплотившуюся вокруг великого русского народа. Очень древние и очень тесные связи испокон веков соединяли Прибалтику с восточными славянами, с русским народом. Сердечная дружба, общие интересы вырастали в политике, экономике и культуре, крепли на протяжении веков наперекор разным трудностям и враждебным обстоятельствам. На стыке прошлого и нынешнего веков созданная Лениным Коммунистическая партия объединила пролетариат России, и дружба народов приобрела новое, глубокое содержание. Пролетарский интернационализм стал возрождающей силой для народов больших и малых.

Великая Октябрьская революция сбросила цепи национального рабства, и животворный огонь революционной бури уже не угасал в Прибалтике, которой пришлось еще много претерпеть горя и мучений под игом буржуазии. Латыши с гордостью вспоминают о своих красных стрелках, стоявших на страже в Смольном и славно сражавшихся за Советскую власть под Кромами и на Перекопе. С такой же гордостью думают о своих революционных солдатах литовцы и эстонцы.

Незабываем для нас всех 1919 год. То новое и прекрасное, что принесли тогда немногие месяцы советской жизни, уже нельзя было вытравить из души эстонца, латыша и литовца. Бесстыдная и алчная буржуазия повсюду продавала и предавала свой народ, топтала ногами жизненные его интересы, входила в грязные сделки с кем угодно, лишь бы извлечь доллар или марку, фунт стерлингов или крону. Коммунистические партии прибалтийских республик в годы двух мировых войн, во время вильгельмовской и гитлеровской оккупаций, в мрачную пору диктатуры Ульманиса, Пятса и Сметоны стойко и бесстрашно боролись за свободу трудового народа, за его будущее, за сохранение его многовекового культурного наследства. И народы Прибалтики, за чью свободу проливала кровь вся братская семья великого Советского Союза, победили врагов, стали единственными правомочными хозяевами родной земли.

В эти торжественные, чудесные праздничные дни все наши мысли с Коммунистической партией. Наши сердца полны глубокой благодарности, они бьются в стройном и крепком, неразрывном ладу с Москвой. Привет тебе, бесстрашная, мудрая партия! Привет тебе, горячо любимая Москва!

Утомительно и противно снова и снова выслушивать ложь и клевету, бессовестные измышления прислужников американских капиталистов, которые снова хотят закабалить наши народы, сбросившие иго немецких баронов и польских панов, царских губернаторов и жандармов, латышских, эстонских и литовских кулаков.

Не бывать тому! Сумрачное, тяжкое прошлое на веки веков сгинуло и не выплывет уже из небытия, а лакеи доллара окончат свои дни в сточной канаве, помойной яме, куда миллиардеры сгребают человеческую грязь со всего света.

Своими руками, не знающими усталости для добрых трудов, не боящимися борьбы за правое дело, эстонцы, литовцы и латыши построили свободную жизнь, о которой мечтали многие, многие поколения. Они с радостью отдают свои силы и знания, чтобы жизнь стала еще краше, чтобы росла и крепла дружная прибалтийская семья, чтобы крепло и росло могущество великой Советской Родины. Вместе с братьями, со всем социалистическим лагерем они уверенно идут к коммунизму. У каждого своя речь, свои песни, свои обычаи, свои предания и героические были, но у всех общие цели, и творят свободные народы новые, чудесные дела, прекраснее и величественнее старых легенд.

Руки, умы и сердца просят новых трудов. Весной на родине латышской доярки Марты Семуле был поставлен ее бронзовый портрет, второй Золотой звездой Героини Труда отмечена работа простой женщины, и весь народ приветствовал ее. В большой чести у нас, советских людей, труд, служение обществу, а для капиталиста это явление непонятное, он верит только в труд из-под палки, пламя души он стремится купить, выписывая банковский чек. Сколь счастливы мы, что ушли из этого проклятого темного мира! Сколь счастливы мы, что с незапамятных времен жили бок о бок с сильным и добрым соседом, со старшим своим братом — русским народом! Еще и еще раз сколь счастливы мы, что лучшие люди наши, самые мужественные и мудрые, связали свою жизнь с рабочей партией, что мы после тяжкой неволи снова вернулись к своим испытанным и верным друзьям. И пусть в советской семье мы младшие, вместо сорока лет — двадцать в великой семье, и почти четыре года из них залиты кровью и соленым потом солдат и партизан, но в эти, советские, годы и мы почувствовали величие и сладость жизни.

В буржуазное время много говорилось о культуре, но делалось для нее мало. Школы, институты, университеты раньше не видели такого наплыва учащихся, как в наши дни. Тысячи и тысячи заочников заканчивают свое образование, не оставляя своей работы на фабриках, в колхозах и совхозах. Невиданные тиражи приобрела книга, и поэты горды, что их сборники стихов расходятся в два-три дня. Кто бы раньше мог предвидеть пышный расцвет художественной самодеятельности?

И наука и искусство — все доступно рядовому труженику, и всего он жаждет. Налились соками и расцвели новые, социалистические нации. Об истории их, об их достижениях сразу не расскажешь, но историческая закономерность, юридическая и этическая обоснованность государственной, советской их жизни очевидны. Советы у Рижского и Финского заливов, на эстонских островах, латвийских холмах и на литовской равнине задуманы и созданы народом. Надо полагать, это не по душе американским империалистам.

Законная, народная, крепкая у нас Советская власть, и никто уже не вырвет из наших рук знамен свободы, ключей счастья.

Чудесно расцвела национальная культура в Эстонии, Латвии и Литве. «Калевипоэг», стихи и драмы Райниса, поэма Донелайтиса, романы и рассказы, драмы, поэмы и стихи советских писателей Прибалтики, произведения композиторов, живописцев, графиков и скульпторов, творчество артистов стали достоянием всех советских народов, известны далеко за рубежами СССР. В Риге, Таллине, Вильнюсе собираются научные съезды и конференции, и вклад наших ученых весьма заметен. Рабочие, мастера и инженеры, колхозники Прибалтики успешно соревнуются с близкими соседями и далекими собратьями. Исчезли узость, провинциализм, враждебность и недоверие ко всему новому, затхлый собственнический дух, заставлявший ревниво оберегать тайны мастеров,— все, что мешает непрестанному развитию и свободному творчеству. И если иногда не все еще спорится,— виной тому мусор прошлого, огрызки старых мыслей, попавшая в глаз соринка.

Еще шире надо раскрыть сердца всему новому. В этом наша сила, в этом особая привлекательность советского строя, советского образа жизни.

Всеобщее признание заслужила наша молодежь. Она берется за самые трудные дела и сочетает стремительность и горение с выносливостью и энергией. О нашей молодежи еще недостаточно знает мир. Наши народы принимают решение — выполнить семилетку досрочно. Откуда берется такой энтузиазм? Всех окрыляют высокие цели, постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства, помощь Москвы и всей братской семьи советских народов.

Не на пустых посулах, которые щедро раздаются на очередных выборах в капиталистических странах, а на явно осязаемых фактах основано доверие народа к правительству и партии. И как осмеливаются за рубежом наши «освободители», волки в овечьих шкурах, порой еще говорить о «дружеских чувствах» к нам! Но когда срываются их злостные козни и диверсии, они дают волю своей ярости, и звериный рев доносится до нас через моря и горы. Латышам, эстонцам и литовцам не страшно: за двадцать лет они выросли в тысячу раз, земля их раздвинулась до Тихого океана, до льдов севера и субтропиков южных республик. Они рады и горды, что вошли в семью строителей коммунизма. Однажды Анна Саксе сказала в Москве, что латвийская земля — советская и латвийское небо — советское, и слова писательницы нашли горячий отклик.

Вся моя родная Прибалтика радостно готовится к празднику. О чем будут петь и играть, что пожелают сказать своими праздничными плясками мои земляки в Риге, мои соседи, друзья и братья в Вильнюсе и Таллине? О том, что три народа счастливы, что их сердца благодарны Коммунистической партии, Советскому правительству, великому русскому народу, всем советским братьям. Три народа пошлют горячие приветы дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву: он стойко и мудро борется за мир во всем мире, и мы все желаем сдвинуться тесно вокруг него, чтобы он почувствовал нашу любовь, нашу преданность великому делу мира и коммунизма.

Лето в разгаре, в солнечном сиянии. В садах ветви яблонь и груш сгибаются под тяжестью созревающих плодов, ровно шумят фабрики и заводы. Над Вильнюсом, Таллином и Ригой, старинными городами, сказочно помолодевшими, плывут звучные, торжественные и радостные песни. Три республики празднуют свое советское совершеннолетие.

В дни празднования 20-летия Советской Литвы в столице республики Вильнюсе состоится Праздник песни. На снимке: учащиеся профтехнических школ Каунаса готовятся к празднику.

Фото А. Узляна.





БРЕМЯ БЛАГОДАРНОСТИ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Вилис ЛАЦИС

Рассказ

Роберт Плуме был видным номенклатурным работником. На хозяйственных активах, торжественных собраниях и заседаниях он всегда занимал место в президиуме; дверь его кабинета была обита звуконепроницаемым материалом, а на отдельном столике стояли три телефонных аппарата.

Результаты деятельности Плуме говорили о том, что начальство не ошиблось, выдвинув его на столь высокий пост: производственные планы вверенного ему главка перевыполнялись без штурмовщины, жалоб на брак не поступало, новаторы и рационализаторы получали помощь и поддержку. Если до его назначения в управленческом аппарате нет-нет да и возникали мелкие и крупные недоразумения, доставлявшие немало хлопот парторганизации и местному комитету, то теперь в коллективе стало спокойно.

— Энергичный работник...— отзывалось начальство о Плуме.

— Чуткий, толковый человек...— говорили подчиненные.

— Червь бюрократизма не смог источить его душу...— заключали люди, соприкасавшиеся с начальником главка по служебным и личным делам.

И все они были правы: Роберт Плуме был именно таков... Ровный характер, трудолюбие, честность в малых и больших делах, отзывчивость — что еще требовалось от уважаемого работника? Будь все такими, жизнь текла бы в мире и согласии и писателям не пришлось бы вести споры о положительном герое. К сожалению (а может быть, и слава богу!), подобная житейская идиллия еще не достигнута. Нередко случается так, что и насквозь положительный персонаж играет незавидную роль и совершает совсем не привлекательные поступки именно из-за своих хваленых качеств. Так и произошло с Робертом Плуме.

Дело было зимой, в середине декабря. Предприятия главка на славу потрудились и досрочно выполнили годовой план по выпуску валовой продукции. Правда, не все ладилось с планом по ассортименту, но до конца года еще оставалось время исправить этот пробел, и руководство главка не замедлило послать рапорт о крупной трудовой победе. В тот день Роберт Плуме был занят больше обычного. Обложившись бумагами, он накладывал резолюции — положительные или с отказом, но всегда принципиальные, продиктованные деловыми соображениями. Чуть не каждую минуту ему приходилось отрываться от бумаг и отвечать на многочисленные телефонные звонки. Его ответы по телефону тоже были деловыми и принципиальными: в некоторых случаях он соглашался, обещал поддержку и помощь, в других — отказывал наотрез. Плуме умел круто обрезать собеседника по телефону, отказать на бумаге. Хуже это получалось при личных встречах.

На вторую половину дня было назначено совещание руководящих работников главка и директоров крупных предприятий. Предполагалось, что совещание затянется до позднего вечера, и Плуме распорядился, чтобы прием посетителей перенесли на следующее утро.

Незадолго до обеденного перерыва секретарша вошла в кабинет. Ее нахмуренные брови как бы предупреждали о близких неприятностях.

— Какая-то женщина настойчиво требует, чтобы вы ее приняли.

— Я же сказал, что сегодня приема не будет! — отозвался Плуме.— Пусть приходит завтра к десяти.

— Я так и ответила, но она утверждает, что завтра будет поздно: дело очень срочное и исключительно важное. Она ждет у телефона. Не поговорите ли вы с ней сами?

— Раз вам не справиться, придется мне,— вздохнул Плуме.— Соедините.

Секретарша вышла из кабинета и переключила аппарат.

— Слушаю,— произнес Плуме спокойно и приветливо.

— Вы, товарищ Плуме, начальник главка? — раздался в мембране голос явно пожилой женщины.

— Точно так,— ответил Плуме.— С кем имею честь?

— Моя фамилия — Спурде. Я обязательно должна сегодня встретиться с вами. Дело чрезвычайно важное и срочное.

— Но меня ждет неотложное и длительное совещание. Сегодня я никого не успею принять. Не подождете ли до завтра? Подойдите к десяти часам, и я незамедлительно выслушаю вас.

— Нет, товарищ Плуме, это невозможно. Мое дело безотлагательное.

— Может быть, вы зайдете к моему заместителю? Сразу же после совещания он мне все передаст, и мы немедленно примем меры.

Но женщина не отступала:

— Я не могу довериться никому другому. Это важный государственный вопрос.

— Неужели нельзя отложить наш разговор до утра?

— Ни в коем случае! Дорог каждый час.

Что оставалось делать Плуме? Он тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, товарищ Спурде. Хоть и трудно, но я постараюсь принять вас сегодня вечером. Приходите к пяти часам. Заранее прошу извинения, если вам придется с полчасика подождать...

— Очень и очень благодарю вас, товарищ Плуме! — В голосе женщины пробились радостные нотки.— Не беспокойтесь, я вас не задержу надолго. Все может быть решено за несколько минут... До свидания, товарищ Плуме.

— До свидания,— сдержанно ответил Плуме и снова углубился в бумаги.

Совещание закончилось в начале шестого. По правде говоря, начальник главка намеревался еще кое о чем поговорить с некоторыми сотрудниками, но вспомнил обещание, данное Спурде, и поспешил отпустить людей. Впрочем, даже если бы он в суматохе забыл об этом, то секретарша напомнила бы ему. Сразу после совещания она вошла в кабинет.

— Женщина, с которой вы разговаривали по телефону, уже пришла. Что ей сказать?

— Пригласите,— распорядился Плуме и сложил в одну стопку разбросанные по письменному столу бумаги.

Мгновение спустя он уже пожимал руку женщине средних лет. Она неплохо сохранилась; немногие глубокие морщинки и вялость кожи были умело скрыты при помощи косметических средств. Одетая в черное, со скорбным выражением на лице, эта женщина, казалось, прямиком направляется на похороны. Сев в предложенное ей кресло, она поставила на стол внушительных размеров сумку и на миг замолчала. Одну руку она прижала к груди, другой обмахивалась, словно веером. До Плуме донесся острый запах духов.

— Простите...— едва слышно проговорила она.— Я так взволнована... сердце подводит.

Женщина улыбнулась, но улыбка получилась вымученной и такой же печальной, как и весь ее облик; в глазах заблестели слезы. Роберт Плуме почему-то смутился, в сердце закралась жалость, сочувствие к этому незнакомому человеку, очевидно, крепко обиженному судьбой.

— Чем могу служить? — негромко спросил он.

Женщина вздохнула и прижала к глазам носовой платок.

— Еще раз от всей души благодарю за то, что приняли меня. Быть может, я поступила неправильно, беспокоя такого видного работника, но иного выхода я не вижу. Повсюду о вас слышно так много хорошего, все хвалят вашу отзывчивость и доброту... все, все. Вы же знаете, товарищ Плуме, какие нынче люди: то и дело сталкиваешься с бюрократами и формалистами. Равнодушные буквоеды, разве поймут они своего ближнего, разве захотят углубиться в суть дела?! А ведь это бывает так важно, когда решается судьба человека! Слава богу, что есть еще такие, как вы, задушевные люди, с чистыми и глубокими чувствами. Только поэтому, товарищ Плуме, я и посмела прийти к вам. Уверена, что вы меня правильно поймете и найдете возможность помочь.

Эмма Спурде высморкалась и снова вытерла слезы.

— Вы поминали по телефону о важном государственном вопросе,— осторожно напомнил Плуме.

— Вопросы бывают самые разные,— отозвалась Спурде.— Одному покажется, что в них нет ничего особенного, тогда как другой сумеет правильно оценить их. Живи сегодня мой покойный муж, разве пришлось бы мне обивать пороги учреждений и, словно нищей, выпрашивать помощь? Эрнест Спурдис — вы наверняка слышали это имя — был известным общественным деятелем. Во времена Ульманиса он долгие годы поддерживал тесную связь с партийным подпольем. В нашей квартире проходили нелегальные собрания, да и другими способами мой муж оказывал партии важные услуги. После установления Советской власти многим за это назначили персональные пенсии. Мой Спурдис не гонялся за личной выгодой, а позже, когда заболел и ушел с работы, уже не смог найти свидетелей: те, из подполья, с кем он сотрудничал, погибли в годы войны на фронте или в партизанах. Но нам хватало обычной пенсии за выслугу лет. После смерти мужа и я кое-что получаю и вполне обхожусь. Ради себя я не потревожила бы вас. Однако светлая память Эрнеста Спурдиса, несомненно, заслуживает, чтобы Советская власть хоть чуть-чуть позаботилась о его родных. Ведь вы от своих товарищей наверняка о нем слышали? Спурдис неоднократно рассказывал мне о вас, и всегда только самое хорошее.

Роберт Плуме ничего не слыхал об Эрнесте Спурдисе, но у него не хватило смелости сказать об этом измученной горем и заботами женщине, в чьих глазах покойный был, вероятно, самым выдающимся человеком в мире. К тому же посетительница с такой доверчивостью смотрела на Роберта Плуме, так надеялась, что он был знаком с Эрнестом Спурдисом и непременно облегчит судьбу его семьи.

— Да, разумеется,— неловко пробормотал Плуме.

— Я так и знала! — Женщина как-то сразу оживилась.— Таких людей скоро не забывают. Наша молодежь должна следовать их примеру. А вообще я должна сказать: какая у нас прекрасная, хорошая советская молодежь! Как она старательна, как работает, как учится! Ка-

Матрос рыболовного траулера, член экипажа коммунистического труда Терентий Терентьевас.
Фото М. Савина.



кие у нее возвышенные мечты и цели! Никогда в мире не существовала такая удивительная молодежь, как наша! С каким энтузиазмом участвует она в строительстве нового общества! И она построит его! Мы начали, а она закончит. И это так прекрасно, что от радости просто плакать хочется. Скажите, пожалуйста, товарищ Плуме, у вас есть дети?

— Два сына и дочь,— вяло промолвил Плуме.

— Счастливый человек! Ведь вы настоящий богач — куда богаче американских миллионеров! А у меня только одна дочь, мое единственное сокровище. Такая прелестная девочка, такая приветливая и чувствительная! Прошу, взгляните на ее фотографию.

Из глубин сумки было извлечено фото размером с почтовую открытку. На Плуме смотрело улыбающееся личико блондинки с чуть курносым, пикантным носиком и такими ясными, задорными глазами, что невольно хотелось улыбнуться в ответ.

— Очень симпатичная...— сказал он, возвращая фото собеседнице.— Чем она занимается?

— Моя девочка недавно вышла замуж,— возвестила счастливая мать.— Ее муж поистине чудесный и порядочный человек. Может быть, вы взглянете и на его фото?

Плуме была подана другая такого же формата фотография. Парень и в самом деле был недурен: молодой, видный, в ладно сшитом костюме, с элегантно завязанным галстуком.

— Да, молодчина парень...— заметил Плуме.

— Я же вам говорила! — радостно воскликнула Эмма Спурде.— Мне так хочется, чтобы их жизнь была счастливой, без лишних забот и трудностей. Ведь наша молодежь заслужила, чтобы мы ее поддержали в самом начале самостоятельной жизни! Позже они сами станут на ноги и смело зашагают дальше, а сегодня, на пороге неизвестного, долг общественности — подать им дружественную руку. Не так ли?

Слова, произнесенные Эммой Спурде, были настолько правильны, а ее взгляд таким искренним и воодушевленным, что Плуме вынужден был поддакнуть.

— Да, разумеется, молодежи надо помочь, сколько в наших силах.

— Я была уверена, что вы так поступите,— воскликнула Спурде,— и бесконечно благодарна за вашу отзывчивость!

— Где работает ваш зять?

— Он недавно окончил техникум. Должность предлагают отличную, но у него в Риге нет своей квартиры, а без рижской прописки нельзя оформиться на работу. Мы не домогаемся чего-то большого — достаточно двух комнатушек, безразлично на каком этаже. О, что будет за счастье, если вы поможете им обзавестись собственным гнездом! Я всю жизнь буду вам благодарна, товарищ Плуме. Молодежи ведь надо помогать...

Начальник главка посерьезнел, задумался. Конечно, самое разумное — сразу дать понять посетительнице без обиняков, что ее просьба не может быть удовлетворена: в распределении квартир установлен строгий порядок, и нечего рассчитывать на исключение. Но ведь она от всей души надеется, уповает на твою отзывчивость, ее благодарность так глубока, неподдельна и трогательна! Как огорчить такого человека? Вот ее глаза снова наполнились слезами...

Роберт Плуме смущенно напомнил о трудностях квартирного вопроса:

— Дело решает особая комиссия: ведь заявлений много, а наши возможности пока что ограничены.

— Я все знаю и все понимаю,— отозвалась Спурде.— Будь это простым делом, я не обратилась бы к вам, не похищала бы вашего драгоценного времени. Но к кому мне обратиться? Кругом столько формалистов, бюрократов, буквоедов, а вы человек с большой буквы, как метко выразился наш Максим Горький. К тому же вы мой депутат в городском Совете. Я не только голосовала за вас в день выборов, но и несколько недель до этого от всей души агитировала за вашу кандидатуру. До сих пор помню вашу речь на предвыборном собрании. Вы произнесли такие чудесные и трогательные слова об отзывчивости и чуткости, о беззаветном, самоотверженном служении обществу! Мне сразу стало ясно, что вам можно отдать свой голос с закрытыми глазами. И теперь я знаю, что не ошиблась,— точно так думает, кстати, большинство ваших избирателей. Стоит вам сказать всего одно слово — и мое маленькое дело будет решено положительно. У вас огромный авторитет, к тому же память Эрнеста Спурдиса заслуживает, чтобы к судьбе его единственной дочери отнеслись внимательно. Мне известно, что в ближайшие дни будут заселять новый дом вашего главка. Буду вам бесконечно благодарна...

— Но ведь на учете многие работники, давно дожидающиеся своей очереди! — попробовал вставить Плуме.

— Но девочка не может ждать годами, пока подойдет ее очередь. Она так чувствительна, так хрупка и болезненна. И, кажется, она ждет ребенка. Знай Эрнест Спурдис, как приходится его дочери, он и в могиле не нашел бы себе покоя. И если бы он смог заговорить, то сказал бы мне: «Немедленно отправляйся к товарищу Роберту Плуме, он непременно поможет!»

Эмма Спурде вынула из сумки лист бумаги и положила его на стол.

— Вот письменная просьба, официальное заявление, я оставлю его вам. Теперь моя душа спокойна, я убеждена, что судьба моей девочки находится в руках настоящего человека. У вас золотое сердце, товарищ Плуме, и я всю жизнь буду благодарна за положительное решение моего дела.

— Я...— попытался возразить Плуме.— Мне...

— Большое, большое спасибо, товарищ Плуме...— Женщина поднялась и протянула ему руку.— Помогай вам бог до конца ваших дней! Эрнест Спурдис теперь может спокойно лежать в своей могиле.

И прежде чем Плуме успел промолвить слово, женщина, сияя от радости, покинула кабинет. Еще раз с порога прозвучали ее горячая благодарность и пожелания всего наилучшего.

Едва за посетительницей закрылась дверь, Плуме, обессиленный, откинулся в кресле, стиснув голову кулаками.

«Что же ты наделал, Роберт Плуме? — спросил он себя.— Что ты натворил? И как теперь расхлебывать эту кашу? Куда девались твои мужество и принципиальность? Почему ты не заявил этой женщине ясно и недвусмысленно, что ей нечего рассчитывать на твои услуги? Ты вел себя, как мягкотелое существо, боялся неприятного разговора, хотел создать впечатление доброго, отзывчивого человека, а ей только это и требовалось. Польстила, похвалила, сыграла на твоем самолюбии и — прошу: вот официальное заявление, я оставлю его вам... Важный государственный вопрос!..»

Он встал и в муках самобичевания нервно зашагал из одного угла кабинета в другой. Насмешливо звучали в его ушах слова Эммы Спурде: «Вы такой отзывчивый и чуткий... Человек с большой буквы... буду вам бесконечно благодарна...»

«И я принял эту благодарность как аванс за будущую услугу. Теперь нужно что-то предпринимать. Но что скажут товарищи, как расценят все это коллектив, партийная организация? «У товарища Плуме нет хребта, он не смеет отказывать назойливым просителям». А если ответить на заявление Спурде отказом, то на кого я стану похож? Сказать правду в глаза не хватило духу, а заочно закончил дело бюрократической резолюцией. Я молчал, а молчание в таком деле равно обещанию. Эта женщина все так и восприняла. Проклятое положение!»

Взваленное Эммой Спурде бремя благодарности так тяжело давило на Плуме, что ему сделалось душно, но пути к отступлению были отрезаны, во всяком случае, ему так казалось. Помучавшись, Плуме взял заявление, терпеливо прочитал его до конца и написал: «Товарищу Мелнбренцису. Учитывая особые обстоятельства и заслуги Эрнеста Спурдиса в революционном движении, в виде исключения помочь. Р. Плуме».

Удобнее всего было бы переслать заявление Мелнбренцису, председателю месткома, с секретаршей: отпала бы необходимость в неприятных личных объяснениях. Но Плуме не пошел на такой малодушный поступок. После недавней неудачи ему захотелось проявить мужество. Он снял трубку и набрал номер Мелнбренциса.

— Говорит Плуме. Хорошо, что ты еще здесь. Очень прошу зайти ко мне.

Плуме был знаком с Мелнбренцисом много лет: вместе работали в революционном подполье, вместе прошли суровыми военными дорогами. И все же, едва председатель месткома вошел в кабинет, Плуме от волнения покрылся испариной и почему-то не мог взглянуть в глаза старому боевому товарищу.

— Видишь ли, какое дело...— начал он.— Как там идет распределение квартир в новом доме? Все уже распределены?

— Все, кроме двух, которые ты распорядился оставить в резерве. Насчет остальных все согласовано, и в ближайшие дни выпишем ордера.

У Плуме отлегло от сердца.

— Хорошо, что придержали две квартиры,— сказал он.— Никогда не знаешь заранее, какой может подвернуться случай.

Мелнбренцис взглянул на Плуме.

— Разве он уже подвернулся? Ценный специалист?

— Да, дружище, специалист... Ко мне сегодня приходила некая Спурде—жена известного революционера Эрнеста Спурдиса. Ты по-видимому, еще помнишь этого незаурядного борца...

— Что-то не припоминаю...— пробормотал Мелнбренцис.— Впервые слышу это имя.

— Что ж, мы многих не знали в подполье. Условия конспирации. У Спурдиса имелись заслуги. А теперь вот его дочь вышла замуж за молодого специалиста, а им жить негде. Придется помочь. Молодежь надо поддерживать.

— А этот молодой специалист работает на наших предприятиях?

— Он недавно окончил техникум и скоро приступит к работе.

— Но ведь у нас на учете стоят многие заслуженные передовики производства, которые остро нуждаются в улучшении жилищных условий! Некоторые ждут уже с позапрошлого года... Как можем мы обойти, отодвинуть их? Отличные работники... имеют полное моральное и юридическое право...

— Я и не сомневаюсь: у них действительно есть это право: На следующий год, когда сдадут в эксплуатацию второй жилой дом, мы удовлетворим их нужды. Формально я, может

быть, поступаю неправильно, и меня могут критиковать, но если бы все дела решались только с формальной стороны, то мы с тобой оказались бы лишними: достаточно простого регистратора, который посмотрит в инструкцию, выяснит соответствующий параграф и поставит необходимую печать. Но мы имеем дело с живым человеком, к нему надо подойти чутко, с пониманием существа его просьбы. Вот для этого-то и существуем мы, ответственные и руководящие работники. В жизни бывают такие ситуации, когда приходится делать исключения из общего правила.

— Ты считаешь, что данный случай именно такой? — поинтересовался председатель месткома. Его лицо все больше хмурилось.

— Да, я уверен в этом, — избегая взгляда собеседника, ответил Плуме.— Новая семья, начало жизненного пути... Молодежи следует помогать... С булыжником вместо сердца мы можем растерять ценные кадры.

— Но еще неизвестно, таким ли уж ценным окажется этот молодой специалист,— возразил Мелнбренцис.

— Многое зависит от того, как мы сумеем его воспитать.

— А как объяснить все это коллективу? Пойдут разговоры... неприятные и справедливые. Глядишь, и в газету попадем, начнут критиковать на активах.

— Я сказал: в порядке исключения, ввиду особых обстоятельств. Ну, я тебя очень прошу! Вот заявление с моей резолюцией. Возьми его, поговори с товарищами. Толково разъяснишь им — они все поймут. Помоги на этот раз старому другу!

Мелнбренцис взял заявление, поворчал насчет отсутствия принципиальности и, недовольно покачивая головой, вышел из кабинета.

Плуме перевел дух, на сердце сделалось легче.

«Все, с этим покончено! Но чтобы это было в первый и последний раз. Хватит с меня неприятностей. На удочку благодарности я уже больше не клюну».

Он подошел к окну и выглянул на улицу. Крупные снежинки спокойно и густо сыпались на землю, мостовая стала совсем белой. Несколько снежинок прибилось к окну и мгновение кружилось здесь, словно упрашивая открыть окно и впустить их в освещенную комнату, где теперь царили спокойствие и тишина и ничто уже не напоминало о недавней буре. Пейзаж повлиял на начальника главка успокоительно: все в этом мире снова показалось разумным и правильным.

* * *

Прошло несколько месяцев, и телефонный звонок раздался в другом кабинете, где работал начальник другого главка.

— Товарищ Густынь, мне необходимо сегодня же лично поговорить с вами по очень важному и безотлагательному делу,— послышался в трубке голос немолодой женщины.

— Нельзя ли перенести встречу на завтра? — предложил Густынь.— У меня сейчас начинается совещание, и я не знаю, когда оно окончится.

— Нельзя. Каждый час может оказаться решающим.

— Обратитесь к моему заместителю, я попрошу, чтобы он вас принял.

— Я могу довериться только вам лично. Очень важный государственный вопрос.

— Ну хорошо, постараюсь принять вас сегодня вечером после совещания. Подойдите к пяти часам.

— Очень и очень благодарю, товарищ Густынь...

Через несколько часов Эмма Спурде — это, конечно, оказалась она, вся в черном, со скорбным, словно на похоронах, выражением лица,— скользнула в кабинет начальника главка. Усевшись в предложенное ей кресло, она поставила свою сумку на стол и на миг замолчала. Одну руку она прижала к груди, а другой обмахивалась, словно веером.

— Простите... я так взволнована... сердце временами подводит.

— Чем могу служить? — негромко спросил Густынь.

Женщина вздохнула и прижала к глазам носовой платок.

— От всей души благодарю за то, что вы приняли меня. Я наслышалась о вас столько хорошего, все так хвалят вашу отзывчивость и доброту. Вы человек с большой буквы — человек сердца, с чистыми и глубокими чувствами. Только поэтому я и посмела прийти сюда со своими заботами.

— Вы поминали по телефону о важном государственном вопросе,— осторожно напомнил Густынь.

— Да, товарищ начальник. Мой дорогой покойный Эрнест Спурдис... Вы ведь наверняка слышали его имя? Начальник главка Плуме хорошо знает его с нелегальных времен как выдающегося борца...

И снова последовал рассказ о крупных революционных заслугах покойного Спурдиса. Хотя Густынь, как и Плуме, ничего не слыхал об этом человеке, было неудобно признаться, что он незнаком с таким видным подпольщиком. Да и, кроме того, раз уж Плуме хвалил его, значит, для этого имелись основания.

— Разумеется...— неловко пробормотал Густынь.— Слыхал...

— Я так и знала!— Женщина сразу оживилась.— Таких людей скоро не забывают. Наша молодежь должна следовать их примеру.

Затем полились восхваления в адрес молодежи, поток похвал чуткости и истинной человечности Густыня. А когда начальник главка был достаточно подготовлен психологически, ему открыли важный государственный вопрос.

— У меня есть дочь и зять — чудесные люди, прелестная пара. Зять очень способный и честный работник. У них в Риге свое гнездышко, небольшая квартирка. Когда они поженились, сам Плуме распорядился предоставить им жилплощадь. А теперь жизнь моих детей хотят разрушить, навсегда исковеркать. Взгляните на это фото. Не правда ли, превосходная парочка?! А как они любят друг друга! У вас ведь есть дети... вам вполне понятно родительское чувство. Буду бесконечно благодарна, если вы не дадите разлучить их. Всего одно ваше слово — и все будет в порядке.

— Вашего зятя призывают на военную службу? — осведомился Густынь.— Я бессилен помочь.

— Да нет, не призывают: у него плоскостопие. Его хотят отправить на работу в провинцию, а моя дочь по состоянию здоровья не может покинуть Ригу. Она очень больна. Какая-то тяжелая и сложная болезнь... Во врачебном заключении сказано, что девочка должна постоянно находиться под наблюдением специалистов. Но вы же сами знаете, какие в провинции специалисты! И, кажется, она ждет ребенка. Светлая память Эрнеста Спурдиса заслуживает,



чтобы к судьбе его единственной дочери отнеслись внимательно. В вашем главке есть вакантная должность инспектора. Скажите всего одно слово... Буду вам вечно благодарна, товарищ Густынь...

Густынь почему-то смутился и почувствовал себя неловко. Он слышал от начальника отдела кадров о вакантной должности инспектора. Но он также был осведомлен, что на эту должность имеется несколько подходящих кандидатур среди работников главка. Не исключено, что с кем-то из них уже беседовали. Однако бремя благодарности уже начало действовать. Густынь не сказал «нет», а всего-навсего задумался. Но для цепкого взора Эммы Спурде и этого было достаточно. Она встала, положила перед Густынем лист бумаги и сказала:

— Вот письменная просьба, официальное заявление, я оставляю его вам. Я так счастлива, теперь я знаю, что судьба моей девочки находится в руках настоящего человека. У вас золотое сердце, и я буду бесконечно благодарна за положительное решение этого дела.

— Я...— попытался возразить Густынь.— Мне нужно еще переговорить с начальником отдела кадров.

— Большое спасибо, товарищ Густынь.— Эмма Спурде протянула начальнику главка руку.— Помогай вам бог до конца ваших дней. Эрнест Спурдис теперь может спокойно лежать в своей могиле.

И прежде чем Густынь успел промолвить слово, она с сияющим видом покинула кабинет. С порога еще раз раздались благодарность и пожелания всего наилучшего...

Едва за посетительницей закрылась дверь, Густынь, обессиленный, откинулся в кресле и стиснул голову кулаками:

«Густынь, ты баран!..»

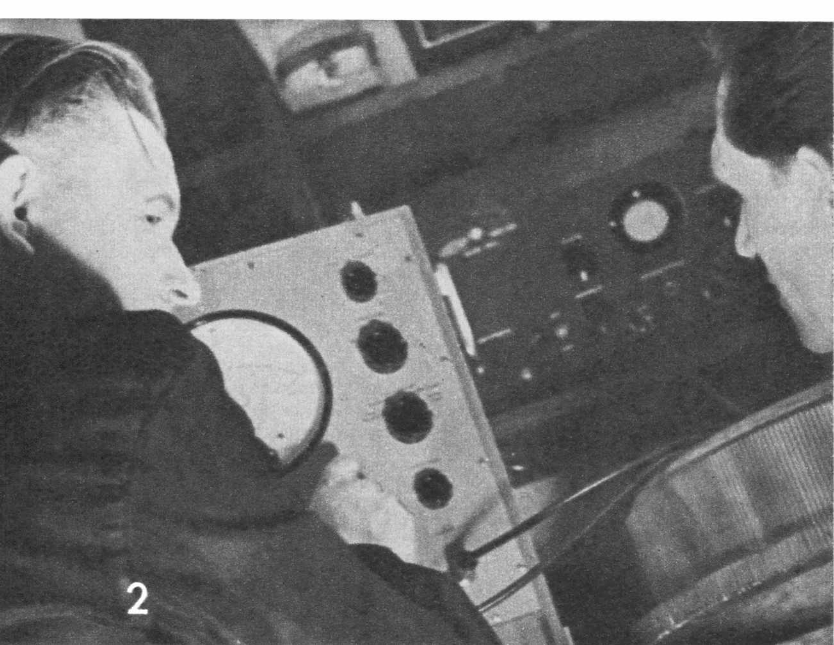
Взваленное чужой женщиной бремя благодарности так тяжело давило на сердце, что стало нечем дышать.

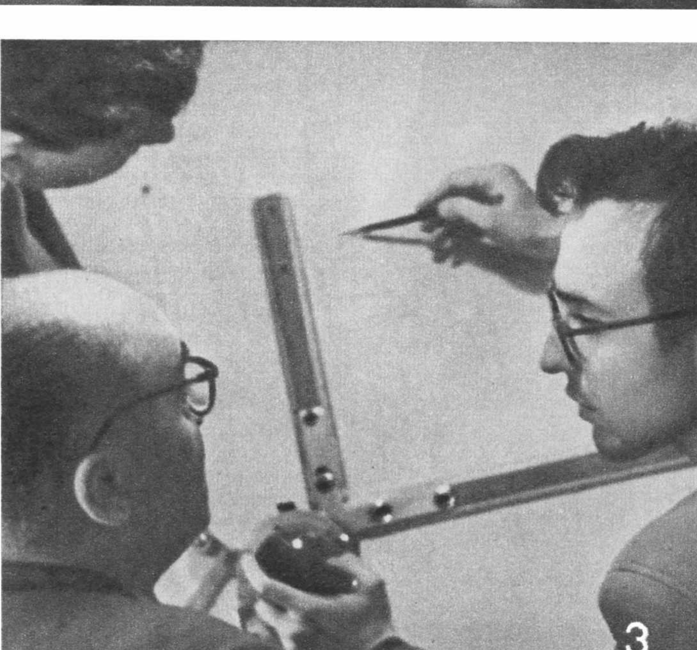
Некоторое время спустя, истерзав себя упреками, он пригласил начальника отдела кадров, передал ему оставленное вдовой заявление и, не глядя в глаза, произнес:

— У меня только что была товарищ Спурде... по поводу трудоустройства своего зятя. У нас имеется вакантная должность инспектора. Посмотрите, что там можно сделать. Очень инициативный и честный работник, из семьи старых революционеров. Надо бы помочь...

Перевели с латышского
А. БОЧАРОВ и И. СОКОЛОВА.

НАУКА И ЦЕХ





А. И. КРИЧКО,
главный конструктор Рижского электромашиностроительного завода,

Я. Г. ПАНОВКО,
член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР

Фото А. УЗЛЯНА.

Хорошо известно, что многие технические и экономические достоинства пластмасс делают их поистине материалом будущего. Есть, однако, тип пластмасс, которому суждена особенно ответственная роль. Это так называемые силовые пластмассы. Помимо легкости и технологических достоинств, они обладают высокой механической прочностью, благодаря которой становятся серьезным «конкурентом» даже такому материалу, как сталь. Но при замене в конструкции одного материала другим только смекалки и опыта конструктора и инженера часто бывает недостаточно. Завод нуждается в серьезной помощи науки.

Несколько лет назад группа новаторов Рижского электромашиностроительного завода (РЭЗ), возглавляемая главным инженером А. Я. Фишем, занялась поисками возможности применения силовых пластмасс в конструкции коллекторов электрических машин. Идея открывала заманчивые перспективы.

Однако даже предварительный расчет прочности новой конструкции оказался делом, требовавшим обширных научных исследований. Б 1958 году инженеры РЭЗа К. А. Акунц и А. В. Садков обратились за помощью в Институт машиноведения Академии наук Латвии. И с этого года началось тесное творческое содружество заводских новаторов с работниками науки.

С каждой неделей программа совместных исследований все больше расширялась и углублялась. Сотрудники института стали систематически бывать на заводе, а заводских инженеров можно было все чаще и чаще встретить в Академии наук.

Конечно, не обошлось и без трудностей. Сложные эксперименты приходилось выполнять на заводском оборудовании, на котором днем работали. Поэтому И. Н. Ельчанинову, В. П. Федорову, С. Р. Романову и А. А. Брузгулю нередко приходилось оставаться в цехе после гудка, трудиться, не считаясь со временем.

Содружество академии и завода вызвало к жизни новую Проблемную лабораторию прочности силовых пластмассовых деталей Института машиноведения Академии наук Латвийской ССР.

Искания продолжаются и сейчас. Была начата разработка сложной и ответственной конструкции коллектора тягового двигателя электропоезда. Первая такая машина уже передана в эксплуатацию.

Совместный творческий труд новаторов и ученых был высоко оценен коллегией Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР.

Весной этого года в павильоне Латвийской ССР на ВДНХ состоялся семинар по применению пластмасс в конструкциях электрических машин. Специалисты заводов и научно-исследовательских институтов страны обменялись опытом и дали высокую оценку работам рижских энтузиастов.

НА СНИМКАХ:

1 Как ослабить вибрацию вала? Это вопрос о долговечности, прочности, надежности, наконец, работоспособности электрического двигателя. Он очень волнует производственников. Заводской инженер Р. Р. Казакс пришел за советом к члену-корреспонденту АН Латвийской ССР Я. Г. Пановко.

2 Итак, стальной корпус заменен пластмассовым. Двигатель станет легче и надежнее. Но выдержит ли корпус из пластмассы давление в 100 тонн? Как ослабить эту нагрузку? Механик Проблемной лаборатории АН А. Брузгуль и начальник цеха РЭЗа А. Карцев анализируют результаты испытания.

3 Рост энергомашиностроения в семилетке значительно обгоняет рост производства меди. Как же свести концы с концами? Экономить металл! В каждом коллекторе 329 медных пластин. Без них обойтись нельзя.

«А если изменить их форму? — размышляют инженер К. Акунц, конструктор А. Кричко и кандидат технических наук Ю. Тарнопольский.— Сколько можно сэкономить цветного металла? До тридцати процентов!»

4 Испытания идут прямо в цехе. Только на материальной базе завода, в условиях максимального приближения к практике, можно вести эксперимент, который потом ляжет в основу теории.

Н. Двойченков, А. Брузгуль и А. Петров следят за сборкой якоря тягового двигателя.

5 И вот усилиями ученых и производственников создана новая конструкция детали. Токарь П. Лиепиписис получил ее эскиз...

5



О. КУПРИН

Этот шкаф стоит в большой комнате. Он обычно закрыт, в нем хранятся результаты долгих споров и дискуссий, многих трудов. Но если вы захотите взглянуть, а что все-таки там внутри, из дальнего ящика стола извлекут ключ, дверцы распахнутся и...

Впрочем, ничего загадочного в этом шкафе нет. Комнату, в которой он стоит, занимает кафедра истории философии народов СССР Московского университета, а в самом шкафу плотными рядами стоят дипломные работы выпускников философского факультета. Много-много папок, толстых и тонких, серых, зеленых, красных.

Среди них я нашел одну. Серую, обыкновенную папку. Прочел последнюю страницу. Автор заканчивает дипломную работу пересказом знаменитого марксовского тезиса: «Философы лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его».

Я читал дипломную работу моего друга Ромаса Дабкуса, хорошего литовского парня. Он писал ее четыре года назад. Тема: «Философское значение критики В. Р. Вильямсом «закона» убывающего плодородия почвы».

☆ ☆ ☆

Когда Литва отмечала десятилетие провозглашения Советской власти, Ромас получил аттестат зрелости. Директор школы крепко пожал ему руку, пожелал успехов.

Зрелость? Да какая там зрелость! Но республике очень нужны были национальные кадры. И вчерашний ученик вновь пришел в школу, но уже не как ученик, а как учитель. Днем вел уроки, вечерами читал лекции.

Время было тревожное: нет-нет да и появлялась в районе какая-нибудь вооруженная банда — и на сельских кладбищах вырастали свежие холмики могил. Бандиты охотились за коммунистами и комсомольцами. Избивали ребятишек, если видели на груди у них красные галстуки.

После одного такого налета Дабкус вступил в комсомол. «Убьют тебя...— причитала мать.— И зачем тебе все это нужно?»

Потом его назначили ответственным секретарем редакции районной газеты. Правда, самой газеты пока еще не существовало. Нужно было ее только создать. Наконец вышел первый номер. Довольно неуклюжий и некрасивый, но свой.

Началась обычная редакционная жизнь. И каждый день девятнадцатилетнему ответственному секретарю приходилось говорить себе: «Этого я не знаю. И этого тоже...» И каждый день одна мысль: «Учиться, во что бы то ни стало учиться». Была и мечта — Московский университет.

Мечты есть у всякого. А вот по-настоящему мечтать умеет не каждый. Ромас умел. Сдать вступительные экзамены было трудно, хотя и сдавал он их почти дома — в Вильнюсе. Но еще труднее было уговорить родителей не противиться его намерению учиться: они опять чего-то боялись, опять плакала мать и угрюмо молчал отец. Так их и не уговорил. Пришлось уезжать обманом: сказал, что едет в Вильнюс, а сам махнул в Москву.

Начались студенческие будни. Мы с Ромасом попали в одну учебную группу философского факультета, вместе слушали лекции, спорили на семинарских занятиях.

Когда долго живешь рядом с человеком, порой трудно заметить в нем перемены, особенно если такие же перемены происходят с тобой и с десятками твоих товарищей. Словно поднимаешься по широкой лестнице, а в лестнице всего пять ступенек. Каждая ступенька — учебный год, две экзаменационные сессии. Шагнул — и будто ничего не изменилось, рядом те же друзья, они тоже поднялись на ступеньку выше. Все те же самые и совсем другие, и думают по-другому и спорят иначе. Каждый над чем-то серьезно работает, что-то изучает. И у Ромаса Дабкуса определились наклонности. Одних интересует, кто как трактует понятие материи, других — проблема комического и трагического в искусстве, а его — земля. Он родился и рос в крестьянской семье.

Кому-кому, а уж Ромасу Дабкусу яснее ясного, насколько ошибаются философы, рассуждающие о почве с точки зрения одной лишь физики да химии. В дипломной работе он пишет: «Почва — своеобразный живой организм, а не мертвый порошок». Правда, оппонент на защите возражал против этой формулировки. Наверное, он прав. Не будешь же и впрямь доказывать, что земля дышит. Но для философа земля — понятие, а для крестьянина — друг.

Когда больше всего волнуется студент? Перед первым зачетом и перед распределением на работу. Перед первым зачетом Ромас волновался, может быть, больше всех: он тогда еще неуверенно говорил по-русски. Зато перед распределением — нисколько. Зачем волноваться, когда в комиссии по распределению лежала уже заявка персонально на него, Дабкуса Рамуальдаса Ионовича? Из комнаты, где шло распределение, он вышел очень быстро.

— Ну как? Куда? — посыпались вопросы.

— Все в порядке. Буду председателем колхоза в своем районе. Как хотел, так и получилось!

Сначала из Литвы, из деревни Пакальняй, приходили толстые конверты. Мой друг писал: «Не могу пожаловаться на свой выбор: работа мне нравится. А знаешь, что главное? Верить в колхозников, вообще верить в людей — в самом широком смысле слова. Ты не улыбайся, это вовсе не пустая фраза. В университете до конца мы не могли осознать очень простые истины, потому что они были для нас истинами теоретическими. Тут другое. Будь ты трижды гением, а один ничего не сделаешь. Ходячая фраза о вере в людей и о воспитании их превращается в очень трудное и нужное дело.

Ты пишешь, что некоторые наши товарищи ноют и считают себя неудачниками. Это объяснимо. Что делать философу, имея в голове только гегелевские триады и кантовскую «вещь в себе»? Мы много спорили, мы даже читали лекции рабочим, говорили очень правильные слова. Мы могли дать людям общие понятия о социализме, о достижениях в промышленности и в сельском хозяйстве. А сейчас, когда я очутился в отсталом колхозе, как раз и недостаточно общих понятий о сельском хозяйстве. Становится немного обидно за наших теоретиков.

Ты только не подумай, что я ругаю себя за то, что пошел на философский факультет. Совсем нет. Я уверен, что это был самый правильный шаг в моей жизни. Если бы не философия, меня, наверное, не было бы в колхозе».

Прошло четыре года.

...Автобус несется по укатанному широкому шоссе. Мне обидно, что у шофера такое равнодушное лицо и что он так спешит. Он ездит по этому маршруту, видно, каждый день. Человек ко всему привыкает. И этот шофер, вероятно, уже привык к красоте, что каждый день мчится ему навстречу.

За окном холмы, местами поросшие стройными соснами и кокетливыми березками, а между ними озера — большие, причудливой формы, со щетиной осоки и кудрями кустарников по берегам. Около каждого домика дыбятся молочной пеной цветущие вишни и яблони, издали кажется, словно деревья ни с того ни с сего вдруг надели снежный наряд. Вспоминается чеховское: «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!».

В Утенском райкоме партии мне сказали:

— Дабкус? Как же, есть такой. Только в Пакальняе вы его не найдете. Он перешел в другой колхоз. В отстающий. В тех местах он родился. Колхоз называется «Аушра». По-литовски значит «Заря».

Через полчаса наша машина уже стояла у правления колхоза, и навстречу мне шел улыбающийся Ромас. Издали показалось, что он стал даже выше ростом. А подошел — такой же маленький, как тот темноволосый парнишка, что стоял на занятиях по физкультуре в университете самым последним в шеренге. Я запомнил его нерешительным и робким. Казалось, в глазах у него навсегда застыл какой-то вопрос. А сейчас передо мной был человек, весь вид которого выражал твердость и силу. Раньше я не замечал этой мужественной и упрямой ямочки на подбородке.

Передо мной стоял уже не робкий студент, а умный хозяин, отец семейства и философ, с руками, почерневшими от машинного масла.

Утром мы отправились осматривать хозяйство. Да, оно было отсталым, запущенным. Прежний председатель слишком редко бывал трезвым.

— Много чего у нас еще нет,— еле разбирал я его слова, когда мы неслись на мотоцикле по лесной дороге.— Зато хороших людей вдоволь. Значит, все будет... Стоп. Остановка. Тут мельница.

Говорят, этой мельнице не меньше трехсот лет. Большое, громоздкое здание сложено из неуклюжих серых камней, неотесанных и грубых. Стены толстые, как у средневековых замков.

— При феодализме, наверное, сработали эту махину,— говорит Ромас, постукивая ладонью по стене.— Крепкий орешек! Старый, но работящий. Триста лет вертелись здесь жернова. А мы тут реконструкцию задумали. Пойдет за этими древними стенами новая жизнь.

— А как поживает твоя философия?

— Ты зря иронизируешь. Сам посуди. Колхозу нашему чуть больше десяти лет. Взгляды и привычки складывались у народа веками. Люди здесь хорошие, но совсем недавно они были собственниками. Чем-то они похожи на эту мельницу — крепкие, трудолюбивые, но нужна и в них этакая духовная реконструкция. Мельницу мы и за месяц переделаем, а чтобы психологию сломать, многие годы нужны. От этого зависит все. Потому тут философ, пожалуй, полезнее агронома. Поедемка в мой старый колхоз.

И опять мотоцикл несет нас по колхозным дорогам, мимо живописных озер, через леса. Красивая здесь природа, но земля бедна, одни камни. Чего на них добьешься? Но добиться можно. У меня в блокноте появились уже кое-какие цифры. В том колхозе, куда Дабкус приехал сразу после университета, за три года выход свинины в расчете на каждые 100 гектаров пашни вырос почти в пять раз. Колхоз пошел в гору. В «Заре» доход в прошлом году составил всего 303 тысячи рублей, в этом году запланировано 700 тысяч. Председатель убежден, что цифра эта вполне реальная.

Мотоцикл влетел в деревушку и остановился возле небольшого домика.

ИСТОРИЯ СЕ



Ромас Дабкус.
Фото автора.

— Здесь я жил три с лишним года. Здесь меня избрали председателем,— сказал Ромас.

...Тогда собрание, которое должно было избрать нового председателя колхоза, встретило Дабкуса холодно. По рядам плыл шепоток: «Философ. Только что из Москвы». Однако против никто не голосовал.

Колхоз разваливался. Посевы были запущены. На работу народ шел неохотно, зато каждый вечер с хуторов неслись пьяные песни. Пришлось применить крутые меры против самогонщиков и лодырей. Был и еще один враг, хитрый и коварный,— местный ксендз. От него можно было ждать всего.

Однажды председателю пришлось задержаться в районном центре: затянулось совещание, потом еще какие-то дела. Домой приехал поздно. Деревня уже спала. Около правления заметил темную фигуру.

— Несколько раз приходил, а тебя все нет.— Это был парторг Людас Бабраускас.— Лошадей на базах нет.

— Как нет? Где же они?

— Развели по дворам. Пустили по хуторам сплетню, будто лошадей обобществили, а кормить не кормим. Что делать будем?

— Ясно. Не иначе как опять ксендз постарался. Утром пойдем по дворам, объясним, разберемся.

Чуть рассвело, тронулись в путь. Встречали гостей по-разному. Одни виновато отводили в сторону глаза, на вопросы председателя отвечали односложно: «Виноваты... Погорячились...» — и вели лошадей в бригады. Другие задавали вопросы. Самые, казалось бы, неожиданные: «Почему должен погибнуть капитализм?», «А как будет при коммунизме?»

И председатель колхоза начинал лекцию. Слушали его внимательно. Если что-то было непонятно, просили объяснить. Он говорил о природе колхозного строя, о преимуществах коллективного труда, о будущем, о коммунизме. И о своем колхозе, о том, каким он будет через несколько лет.

Но были не только беседы. Если вы сейчас спросите колхозников в Пакальняе, чем их больше всего покорил Дабкус, вас обязательно подведут к небольшому строению и скажут: «Это сделал он».

В доме помещается электростанция. Ее строили всем колхозом. И никто не требовал за это начислять трудодни. Ромас в шутку называет эти субботники практическими занятиями, которыми подкреплялись лекции о коммунистическом труде. После этого работать стало гораздо легче.

— И часто приходится проводить такие «занятия»? — спросил я.

— Нет. Это было в самом начале. Сейчас по-другому. Недавно одному колхознику поручили привезти семена, а он напился и где-то проболтался целый день. Созвали товарищеский суд. Я сидел и молчал. Так ему всыпали по первое число. Никого не пришлось тянуть за язык. Выступали, как говорится, от души. Он пытался оправдываться. Тогда его подняли на смех. А сейчас бригадир говорит о нем: «Лучший работник».

Смеркалось. Мы с Ромасом стояли на высоком холме. Внизу растворялись в сумерках домики Пакальняя — деревушки, где начал свой трудовой путь философ Ромас Дабкус.

— Черт знает, сколько на земле увлекательных вещей! — говорил он.— Во все вникнуть хочется. Жизнь со всех сторон потрогать. Я бы не мог быть узким специалистом: зоотехник — и все, агроном — и только. Короче говоря, как при коммунизме,— «землю попашет, попишет стихи». А знаешь, почему я в отсталый колхоз перешел? На новом месте всегда свежее восприятие. Ошибки, и свои и чужие, так и лезут в глаза. Новые дела. Новый темп. Больше энергии, а значит, радостнее работать. Задумали мы, например, строить свинарник. Вчера бульдозер выровнял площадку. Ничего там еще нет, голая земля, но начало положено. Я ходил и радовался. Хоть немного, но новое! Когда сидишь на одном месте, ко всему привыкаешь и думаешь только о том, что уже сделано. Правильно?

— Верно...

— Вот часто думаю о своей дипломной работе,— продолжал Ромас.— Мне тогда поставили «отлично». Хвалили, что много поработал. А одну очень важную штуку я упустил. Как-то вскользь задел ее, не понял, что в ней все начала и концы. Ругал разных теософов и мальтузианцев, а о тех, кто делает землю щедрее и богаче, почти не сказал. Сейчас бы я написал еще одну главу. Назвал бы так: «Человек — хозяин земли». Рассказал бы о своих новых друзьях и помощниках. Получилась бы самая интересная глава.

Внизу что-то зашумело. И вдруг долина, уже совсем потонувшая в темноте, зажглась яркими точками электрических лампочек. Их огоньки пробивались сквозь густую листву деревьев, озорно подмигивали нам.

* * *

К дипломной работе Дабкуса приложен отзыв официального оппонента доцента П. Т. Белова. Там есть такие строчки: «Ценность диплома тов. Дабкуса состоит в том, что он наглядно показывает возможность и необходимость теснейшей связи философии и естествознания... Эту проблему предстоит еще разрабатывать... Надо, чтобы он не остановился на уровне диплома, а пошел дальше».

Вот и вся история одной серой папки, что хранится в шкафу на философском факультете МГУ.

РОЙ ПАПКИ

Счастье

Пауль ВИЙДИНГ

Сын,
ты спрашиваешь,
что такое счастье?
Ответить попытаюсь.

1

Счастье —
это не величина,
Не формула, готовая навеки,
И не кристалл, сверкающий, застывший.
Оно
родник живительный на свете.
Сын,
я не о счастье, падающем с неба,
Не о слепой случайности сказать хочу.
Я говорю о счастии таком,
Каким его сейчас повсюду вижу.
Счастье не всегда бывает легким,
Очень трудным счастье может быть.
Сын, за счастье нашей молодой эпохи
Люди шли на смерть.

2

Счастьем было в дни Октября
Нести полотнища красных знамен,
Рушить оковы старых времен.
Счастьем было
полной грудью
Дышать ветрами свободных далей.
Счастьем было
наше волнение
Перед самым решительным штурмом.
Счастьем
была радость победы
Нового мира над старым.
Счастьем было на нашем пути,
Расчищенном от разной дряни,
Строить мощное, светлое
Социалистическое здание.

3

Счастье —
сознавать, что человечество
Молодое еще
И что дела и подвиги его
Все впереди.
Счастье —
видеть, что в столетье наше
Подвигам положено начало,
Что безграничен разум человеческий
И в большом и в малом.
Счастье —
чувствовать, что сила наших рук
Не меньше сил стихии.
Счастье,
сын мой,—
право сказать: мы,—
Подразумевая под этим
Единство с народом,
С той силою, что в наши дни
Тебя питает.
Счастье,
сын мой,—
право сказать: мы,—
Чувствуя, что и ты несешь ответственность
За судьбы человечества.
Счастье,
сын мой,—
право сказать: мы,—
Подразумевая под этим радость победы,
Коммунизма могучий свет.

Перевел с эстонского
Анатолий ГУСЕВ.

Старая Рига

Ояр ВАЦИЕТИС

Трется машина то левым, то правым боком о стены,
Лезет, как щука в вершу, кружится в уличках белкою.
Да! Мне нравится Старая Рига, сюда прихожу неизменно,
Гляжу на мелкое, на большое и снова на мелкое.

Может, и не любовь, но чем-то она близка мне,
Хочется знать, что за люди жили здесь в годы давние.
В узеньком переулке спросить у древнего камня:
Как им служили предметы эти забавные?

Кто открывал вот это окошко, узнать охота.
Гостя ждал или просто на свет выглядывал?
Стену высокую эту, стращая кого-то
Или кого-то боясь, хозяин выкладывал?

Просто гуляю порой, скользя рассеянным взглядом,
Вижу, как тенью свет и красками краски сменяются.
Голуби в лужице пьют. Старины отражение рядом.
Старость и сырость лица моего касаются.

И тогда я себе самому задаю вопросы:
Что меня тянет сюда? Не от старости ль начал сутулиться?
Нет! Когда сердце простора запросит,
Ширью шуршит под ногами другая улица!

Я — человек эпохи асфальта и самолета —
Пыль расстояний ношу на ботинках гордо.
Просто, Старая Рига, мне посмотреть охота
На седой небосклон своего любимого города.

Перевел с латышского
Владимир НЕВСКИЙ.

КАМЕНЬ

Антанас ВЕНЦЛОВА

Он видел времена иные.
Года утаптывали путь.
На этот камень крепостные
Присаживались отдохнуть.

У камня обнимала сына
В час горестной разлуки мать.
Сын отправлялся на чужбину,
В Америку — судьбу пытать.

У камня здесь свой день суровый
Пастушка-сирота кляла,
Когда кулацкая корова
В трясину без оглядки шла.

Над полем гул катился в дали.
Был даже камню свет не мил!..
Здесь коммунисты погибали
От пуль сметоновских громил.

Когда поднялся день тревожный,
Нам сквозь огонь пришлось идти.
Солдата защищал надежно
Все тот же камень у пути.

Прошла война... Литовский
скульптор
Сберег полет своей мечты,
И в камне проступили скупо,
Но зримо Ленина черты.

И увидал Ильич сквозь годы
Литву свободы и труда,
Грядущий светлый день народа,
Раскованного навсегда.

Перевел с литовского
Лев ОЗЕРОВ.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Вацис РЕЙМЕРИС

Ты сегодня сердиться не вправе:
Это жизни счастливой гонцы,—
Оперившись и крылья расправив,
Как ни жаль, улетают птенцы.

Разлетаются. Грустно. Усталость
Неприметно туманит глаза.
Но тотчас забывается старость,
Если в школе звенят голоса.

Если столько любви и участья
Окружает тебя в день весны,
И глаза твои счастьем лучатся,
Хоть белеет зима седины.

Сколько писем несут почтальоны!
Сколько тянется дружеских рук!
Над тетрадками ночью бессонной
Ты склонилась, внимательный
друг.

Ты нас часто журила, при этом
Направляла умелой рукой.
А теперь вот — один правоведом,
Самолетостроитель — другой.

Агрономом работает третий.
Инженеры, врачи — всех не счесть!
Где птенцов твоих только не
встретишь!
Их успех точно песнь в твою
честь.

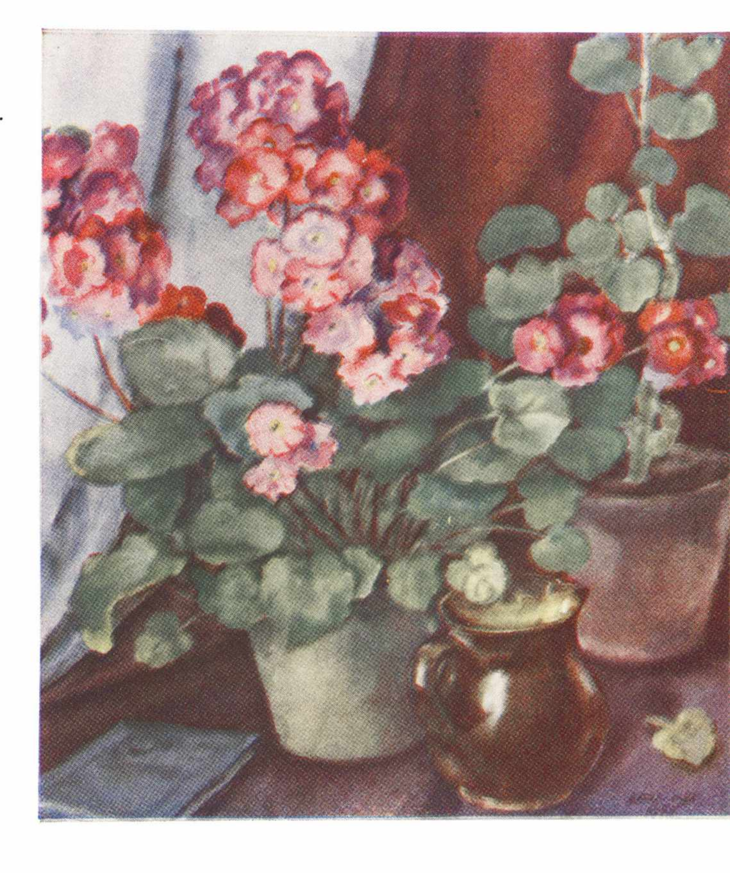
Где б ни жили — повсюду ты
с нами.
Ученик твой — известный поэт —
Обратился к тебе со стихами,
В них любовь, благодарность,
привет:

«Ты причастна к невиданной славе
Вдохновленной тобою семьи.
Вслед за Родиной нашей ты
вправе
Обращаться к нам: «Дети мои!»

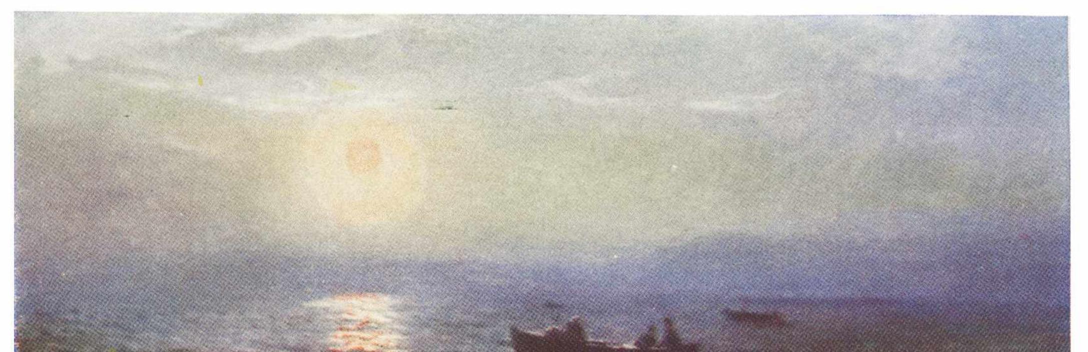
Перевел с литовского
Лев ОЗЕРОВ.

Э. Окас. ОСВОБОЖДЕНИЕ (Фрагмент).

Л. Мей-Старкопф. ПРИМУЛЫ.



Р. Уутмаа. НОЧНОЕ МОРЕ.



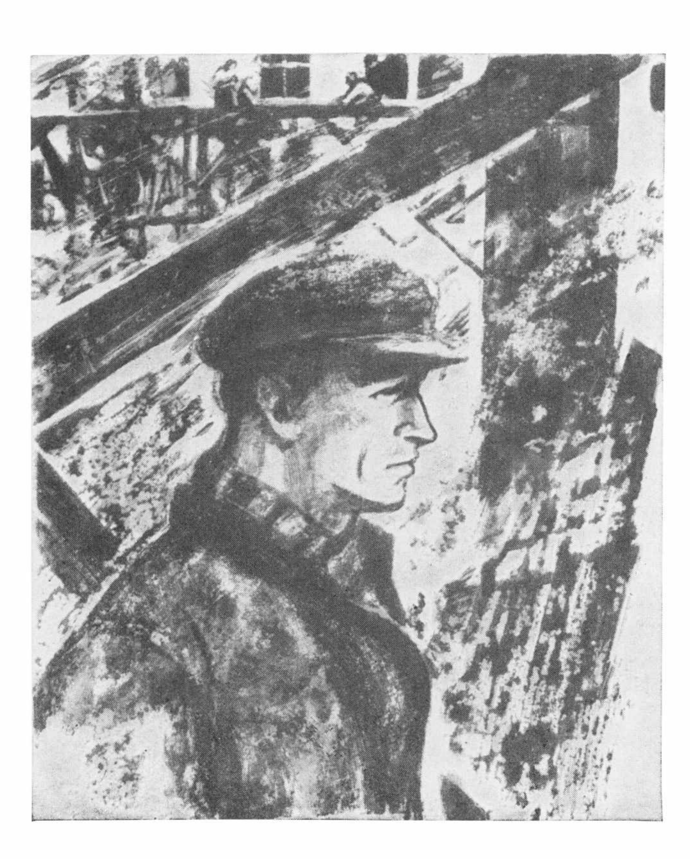
На обороте: **Янис Осис.** ЛАТЫШСКИЕ РЫБАКИ.




117

МОЛОДЫЕ ЛИТОВСКИЕ ХУДОЖНИКИ

И. Биндлер. ПОРТРЕТ.



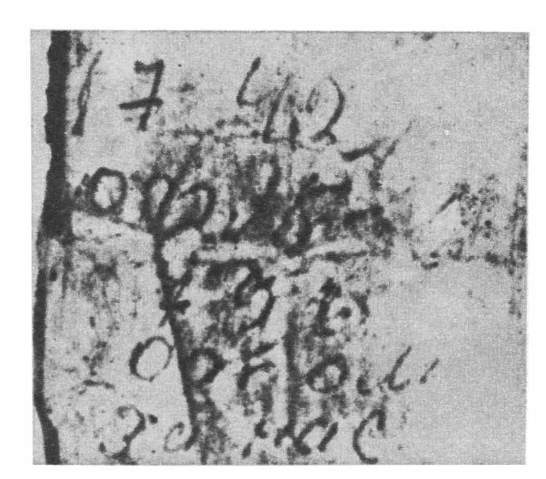
С. Валювене. НА СТРОЙКЕ.



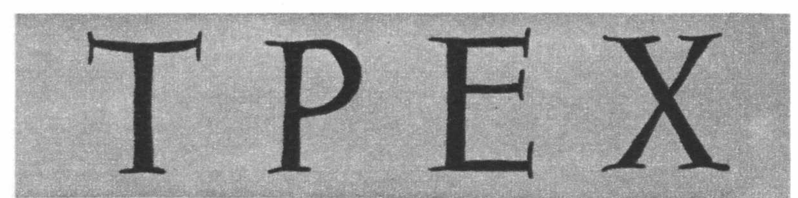
В. Каушинис. ВИЛЬНЮС СТРОИТСЯ.

«Огонек».





Записка, лежавшая в печатке.





Кольцо с печаткой-тайником.



Лидия ЛЕСНАЯ

Их было три... Три простых серебряных кольца, похожих друг на друга, как близнецы. Разными были только их судьбы, такие же сложные, как готические монограммы, выгравированные на печатке каждого кольца.

История первого кольца

Поздно ночью, когда весь город спал тяжелым сном, в дверь маленького дома кто-то постучал.

Женщина с седой головой испуганно вскочила с постели, толкнула спящего мужа.

— Ян! Вставай! Это, наверное, за нами!

Мужчина мгновенно проснулся, прислушался. Стук повторился.

— Успокойся, Елена! Это не полиция! Не тот почерк! — усмехнулся мужчина и пошел к двери.

— Кто тут?

Молчание... И снова тихий, осторожный стук. Мужчина приоткрыл дверь.

— Кто тут?

Пряча лицо и явно стараясь изменить голос, кто-то глухо сказал, протянув через щель небольшой сверток:

— От сына... из центральной тюрьмы...

И ночной гость исчез.

Мужчина быстро развернул сверток. В нем лежало серебряное кольцо. Простое серебряное кольцо с готической монограммой «ГД». Внутри кольца были выгравированы какие-то цифры...

Кто принес это кольцо и что на нем за цифры, осталось тайной.

С тех пор прошло много лет. И вот это кольцо лежит передо мной.

...Георг Даболиньш вступил в рабочий союз молодежи в 1939 году. А через год уже был комсомольцем.

Когда началась война, Георг простился со школой и пошел на восток, чтобы вступить в ряды защитников Родины. По дороге он тяжело заболел. Рискуя жизнью, тирзенские крестьяне скрывали больного от фашистов, потом помогли ему добраться до Риги. Здесь юноша снова свалился в тифу и попал в больницу.

Когда Георг вышел оттуда, фашисты уже были полными хозяевами Латвии. Но все чаще и чаще на домах и заборах появлялись сводки Совинформбюро, призывы к борьбе с врагом. Это люди с чистой совестью выходили на бой. Одним из таких бойцов стал и Георг Даболиньш.

Он работал в подпольной группе Калнса, действовавшей в районе Двины, пока его не схватили фашисты.

Начались допросы, пытки, бесконечные издевательства. Георг решил прикинуться «простачком» и проделал это с таким искусством, что обвел вокруг пальца опытных следователей. Его стали использовать на разных тяжелых работах. Товарищи по заключению полюбили юношу за необычайную выдержку, за то, что в беде он был настоящим товарищем. Но с некоторых пор они стали замечать, что Георг сам не свой.

— Что с тобой? — допытывались у него. Даболиньш упорно отмалчивался. Но однажды он все рассказал...

— Меня послали на сортировку вещей. Тех вещей, что переживают своих хозяев... Детские чепчики, платки, покрытые зеленой пеной удушенных в душегубках, и везде кровь, кровь. На пиджаках, на пальто, на белье. Иногда мы находили записки, написанные второпях, перед самой смертью. Много таких скорбных листков прошло через мои руки! По одежде можно узнать, сколько людей уничтожили за сутки. Эти страшные цифры я никогда не забуду!

— О них нельзя забывать. И нужно, чтобы о них узнали все там, на воле. Но как это сделать?

Долго искали решения и наконец нашли. Георгу поручили припрятать несколько найденных им серебряных пластин, снятых с портфелей, а потом передать их в рабочий корпус. Там один из заключенных сделал из этого серебра три одинаковых кольца. Разными были только затейливые монограммы.

И вот внутри кольца Георга Даболиньша появилась первая запись: «17 июня 1942 года — 144». В эту ночь были расстреляны 144 узника центральной рижской тюрьмы. Георг узнал об этом из записки, найденной в окровавленном белье.

С тех пор каждый раз, когда в камере становилась известна новая дата массовых расстрелов, кольцо шло по «кольцу». Из рук в руки, рискуя жизнью, заключенные передавали его неизвестному ювелиру из рабочего корпуса, и он гравировал новую дату и новую цифру — число расстрелянных. И тем же путем кольцо возвращалось обратно.

2 сентября было расстреляно 140 человек, 22 октября — 136, 3 ноября — 108.

В ночь с 5 на 6 мая 1943 года в камере Георга Даболиньша никто не сомкнул глаз. Увели руководителя подпольной группы Рендниека и еще несколько человек. В камеру они не вернулись. А на следующий день на склад поступила их окровавленная одежда. На одной из тесемок была кровью нацарапана цифра «234» и слова «Отомстите за нас!»

И новая скорбная надпись появилась на кольце: «6 мая — 234».

Эта надпись последняя. По тюрьме прошел слух, что тайна кольца стала известна гестапо. Начались повальные обыски и допросы. Заключенные через своего связного передали кольцо на волю. А Георга Даболиньша вскоре отправили в Саласпилсский концлагерь. Он побывал во многих лагерях, заболел, попал в «больницу». Обычно из «больницы» Цвиберского концлагеря был один путь — в яму. Но Георгу посчастливилось. Здесь он встретил земляка — Миервалдиса Бирзе, студента третьего курса Рижского медицинского института. Бирзе и чешский врач Хавронек выходили Георга. А вскоре пришла Советская Армия и спасла его.

— Когда я вернулся домой и мать отдала мне кольцо, я обрадовался ему, как близкому другу,— рассказывал Георг.— Все эти годы я ничего не знал о его судьбе. Мне тяжело было расстаться с ним, но я решил: кольцу место в Музее Революции, где собрано все, что рассказывает людям о борьбе с фашизмом. Где другие два кольца, я не знаю. Помнится, второе было у Александра Тилля.

В местной газете появилась заметка о судьбе Георга Даболиньша. Сообщалось и о высказанном им предположении: второе кольцо, вероятно, у Александра Тилля...

Второе кольцо

— Нет, второе кольцо не у Александра Тилля! — воскликнул Эдуард Карлович Дрейвс и вдруг схватился за сердце. Рука, державшая прочитанную газету, сжалась. На безымянном пальце тускло блестело серебряное кольцо с затейливой монограммой.

— Что с тобой, Эдди? Дать воды? Нитроглицерин? — склонилась над мужем Екатерина Михайловна.

— Ничего, уже прошло,— тяжело переводя дыхание, сказал Эдуард Карлович.— На, прочти...

Пока жена читала газету, Эдуард Карлович молча смотрел в окно. Далекое прошлое обступало его со всех сторон...

...Война подхватила Эдуарда Карловича Дрейвса и понесла. Бой за родной город. Враг окружает горсточку измученных бойцов. От батальона осталось всего семь человек. Среди них был и Дрейвс. Ему удалось спастись, спрятаться. Но вскоре на улице его остановили полицейские.

— Руки вверх!

Звонко щелкают пружинки стальных браслетов. Потные руки шарят по карманам (нет ли оружия?). Префектура. Центральная тюрьма...

— Надо и твое кольцо снести в Музей Революции, Эдди,— прочи-

«Ригонда»

«Потерянная родина» — роман В. Лациса — рассказывает о том, как плантаторы захватили полинезийский остров Ригонда. Страшным унижениям и мукам подвергают поработители островитян.

По мотивам романа «Потерянная родина» театр оперы и балета Латвийской ССР создал балетный спектакль «Ригонда».

Борьба народа за свободу, идея солидарности всех угнетенных, драматичность судьбы главных героев — юных влюбленных Нелимы и смелого Ако — все это увлекло творческий коллектив театра.

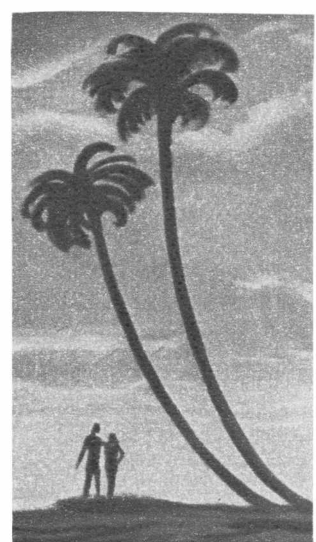
Балетмейстер Е. Тангиева-Бирзниек увидела в «Ригонде» не только повод к созданию эффектных сцен экзотического балета.

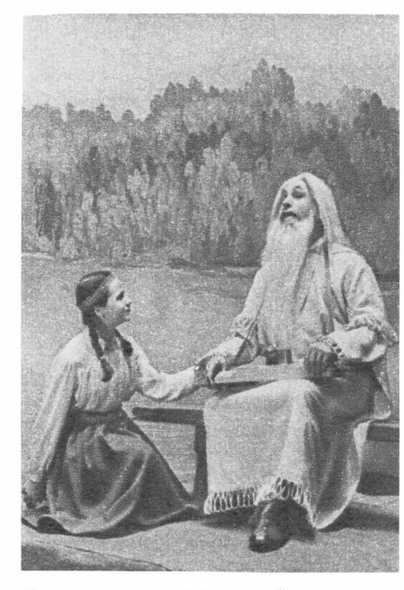
Сама жизнь, могучие голоса современности звучат в спектакле.

В. ЛАВРЕНТЬЕВ

←
Ако — Г. Ритенберг, Нелима — В. Вилиня.

Эскиз декорации балета «Ригонда». Художник — Э. Вардаунис.





Сцена из спектакля «Сироты» в театре «Саулгриежи».

ЗНАЮТ И ЛЮБЯТ НЕ ТОЛЬКО В РИГЕ

«Саулгриежи»... Что это такое?

В русском переводе латвийское слово «саулгриежи» означает «солнцеворот». «Саулгриежи» — так называется театр — один из самых популярных в Латвийской республике.

Театр этот возник в рабочем клубе из небольшого поначалу самодеятельного кружка. Сейчас он располагает огромной труппой. И все артисты не являются профессионалами. Они по-прежнему отдают сцене свой досуг, свое свободное время.

В театре ставятся спектакли Чехова, отечественная классика: «Грехи Трине» и «Волшебная трава» Р. Блаумана.

А как полюбили зрители спектакль «Саулгриежи» — праздничное романтичное зрелище, тепло показывающее обычаи народа, его танцы, музыку, песни!..

Театр «Саулгриежи» знают и любят не только в Риге. Всесоюзную известность участники «Саулгриежи» приобрели после того, как выступили на Шестом Всемирном фестивале в Москве.

Н. ЛИЕВ

тав газету, тихо сказала Екатерина Михайловна мужу.

В тот день Эдуард Карлович был в музее.

— Год с лишним я просидел в первом корпусе центральной рижской тюрьмы. За это время я познал всю механику и излюбленные приемы гестапо. Товарищи подсказали, как мне держаться при допросе. И когда впервые вызвали к следователю, я понял, что у него нет уличающего материала. На следующий день меня перевели в рабочий корпус, а это дало мне возможность установить связи с людьми, находящимися за пределами тюрьмы. Вскоре я получил от товарищей из первого корпуса поручение — вынести на волю кольцо, передать его верному человеку и предупредить, что за ним придут.

Поручение было выполнено, и кольцо попало к моей жене, Екатерине Михайловне. А меня отправили в Саласпилсский концлагерь, потом в Бухенвальд, а оттуда в Цвиберг. Из Цвиберга нас освободила Советская Армия, и я вернулся домой. Все эти годы жена хранила кольцо. Но никто не пришел за ним. Почему, не знаю. С тех пор я пятнадцать лет носил это кольцо, не снимая...

...И вот оба кольца лежат передо мной на столе. Они похожи друг на друга, как две горошины из одного стручка. Хотя, если приглядеться, в них есть какая-то разница. Не могу только уловить, в чем она?

— Печатка! Она крупнее, чем в кольце Георга Даболиньша! — воскликнул Эдуард Карлович.

И действительно, печатка на втором кольце крупнее.

Кольцо просветили рентгеном, и обнаружилось, что в печатке что-то есть. Тогда решили вскрыть ее. Там лежал пожелтевший, закопченный клочок папиросной бумаги, сложенный вчетверо. На нем крошечными знаками были выведены простым карандашом даты и числа:

7—7— 42
10—7—295
18—7— 36

И под ними слова: «Отомстите за нас!»

Кто написал эту скорбную записку, Эдуард Карлович не знал.

Молча смотрели мы на крошечный клочок папиросной бумаги, и каждый по-своему думал о тех, кто его написал. Может быть, третье кольцо откроет нам его тайну?

Но третье кольцо бесследно исчезло. Бесследно? Нет! След его остался в сердцах тех людей, через чьи руки оно прошло. Но самый яркий след остался в сердце того, кто последним носил его на руке. Это был Янис Карандзей.

Третье кольцо

О себе Янис Карандзей рассказывает неохотно и загорается только тогда, когда говорит о других.

— Кто отведал тюремной похлебки, тот узнал, что такое настоящая дружба. Тюрьма научила меня разбираться в людях. Она, как лакмусовая бумажка, выявляет все. И хорошее и плохое. Ведь я попал в тюрьму желторотым мальчишкой. Перед войной работал на заводе, был секретарем комсомольской организации. 4 августа 1941 года гестапо арестовало меня. И я очутился в первом корпусе центральной тюрьмы. Почти год сидел без допроса.

15 июля 1942 года впервые вызвали к следователю, привели в коридор и поставили лицом к стене. Так я и простоял часов пять-шесть. Потом толкнули прикладом и повели.

Следователь сидел за столом и листал какие-то бумаги.

— Садитесь! — вежливо предложил он мне.

Но я не сел. Я уже знал по опыту товарищей, что садиться нельзя.

— Хотите курить?

— Спасибо, я не курю.

Следователь перестал обращать на меня внимание и принялся что-то писать. Закончив, он протянул мне бумагу, приказал:

— Подпишите протокол, вот здесь!

Я взглянул на протокол. Он был написан по-немецки.

— Простите, но я не понимаю того, что здесь написано.

Дневник искусства

Учитель и ученик

Программы были напечатаны на литовском языке. Нам пришлось обратиться к соседям с просьбой назвать имя артиста. Те с готовностью сообщили: Ленского поет Виргилиус Норейка, лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи.

Вспомнился фестиваль в Москве и конкурс исполнителей народных песен. Участвовал в нем и студент Вильнюсской консерватории Виргилиус Норейка.

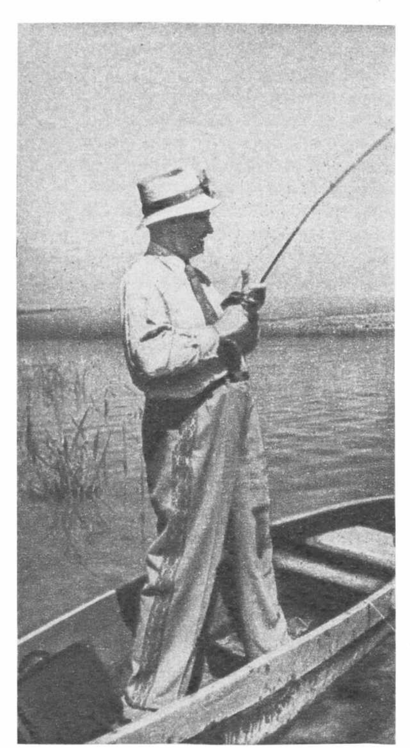
Пел он народные литовские песни, пел очень хорошо. Звучали в его песнях раздумчивая грусть, лирика, юмор... Комиссия единодушно присудила тогда молодому певцу золотую медаль и диплом I степени.

В антракте спектакля «Евгений Онегин» за кулисами театра мы поговорили с Норейкой.



Виргилиус Норейка.

Фото И. Грикиенис.



Кипрас Петраускас на рыбной ловле.

— На юго-западе Литвы есть край, который называют Дайнава. Это край песен и озер,—рассказал он.— Здесь слагаются лучшие народные песни. Отсюда вышло много певцов. Тут в крестьянской семье родился замечательный певец Кипрас Иванович Петраускас. Ксендзы спорили, в чьем костеле будет петь этот мальчик с хорошим голосом. Стал же этот мальчик артистом, пел в Петербурге, в Мариинском театре, выступал с Ф. И. Шаляпиным...

Теперь он наш профессор. Я учился у него. Еще в консерватории мы подготовили цикл народных песен, которые я пел на фестивале.

И сейчас еще помогает нам Кипрас Петраускас. Он всегда в театре: днем на репетициях—в зрительном зале, вечером — за кулисами. Поражаешься, как в такие годы — ведь Кипрасу Ивановичу 75 лет! —он столь энергичен и деятелен.

В фойе театра огромный цветной витраж — портрет высокого седого человека. Это народный артист СССР, Кипрас Петраускас. А на сцене поет Ленского молодой ученик старого мастера Виргилиус Норейка — представитель молодого артистического поколения Советской Литвы.

И. ВЕРШИНИНА

За дирижерским пультом — братья Ярви

Балетом Адана «Жизель» на сцене театра «Эстония» дирижирует Валло Ярви. В этот же вечер в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова идет опера Бизе «Кармен»; дирижирует Неэме Ярви, студент 5-го курса дирижерского факультета Ленинградской консерватории, брат Валло.

Родители братьев Ярви не были музыкантами-профессионалами. И Эльза и Аугуст Ярви всю свою жизнь работали парикмахерами. Но в молодости оба неплохо играли на эстонских народных инструментах, пели народные песни. С малых лет воспитывали они в своих детях любовь к музыке, но никогда не думали, конечно, что сыновья сделают музыку своей специальностью.

Первым определился путь Валло. В семнадцать лет он играл в профессиональном симфоническом оркестре и одновременно учился в Таллинской консерватории. На третьем курсе юным дирижером заинтересовался театр «Эстония». В качестве дебюта Валло Ярви предложили оперетту Милютина «Беспокойное счастье». Юноша согласился. Начались репетиции. Дебют прошел хорошо. Оперетта Милютина прочно вошла в репертуар театра. Она идет и сейчас, хотя со дня первого представления «Беспокойного счастья» прошло уже более одиннадцати лет. И дирижирует этим спектаклем попрежнему Валло Ярви.



Валло Ярви.
Фото А. Алла.



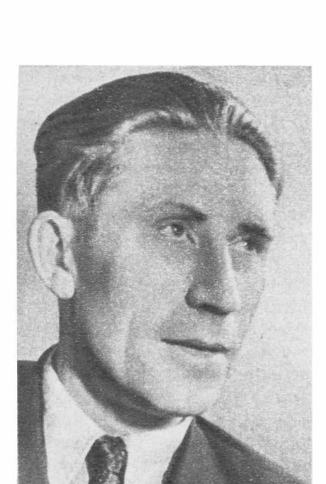
Неэме Ярви не только дирижер, но и музыкант-исполнитель. Вот он играет на ксилофоне в одном из концертов.

Младший брат, Неэме, уже в четыре года неплохо играл на ксилофоне польку и галоп. А в пятнадцать лет Неэме хорошо знал Бетховена и Брамса, Чайковского и Рахманинова.

Учась в Ленинградской консерватории, младший Ярви не раз выступал как дирижер перед жителями Ленинграда, Таллина, Тарту. Неэме Ярви неизменно привлекает монументальная симфоническая и оперная музыка. Партитуры любимых произведений Шостаковича, Прокофьева двадцатитрехлетний музыкант знает наизусть.

На спектаклях Валло Ярви и концертах Неэме Ярви часто бывает седая женщина — Эльза Ярви. Взволнованная и счастливая мать любуется сыновьями, радуясь их большой судьбе.

П. ЛУГОВСКИЙ



Эткар Канитс.
Фото К. Лийв.

КАМЕНЩИК — ДРАМАТУРГ

Эткар Канитс в свое время был каменщиком, притом отличным. Затем инструктором по строительству. Колесил по республике со стройки на стройку — обучал молодежь всему тому, чему в свое время научился сам.

И вдруг... на здании Таллинского клуба строителей появилась афиша, извещавшая о постановке пьесы «Протянем им руку». Автор пьесы — Эткар Канитс!..

Пьеса шла не только в клубе строителей. Ее поставил и народный театр «Юность». Герой этой пьесы — молодой каменщик.

С. СТАВИЦКАЯ

— Какая разница! Все равно сегодня ночью вас расстреляют.

— Можете меня расстрелять, но я не подпишу протокол.

Вежливость следователя словно ветром сдуло. Он заорал на меня:

— Грязная свинья!

Вдруг кто-то сзади сильно ударил меня по затылку.

Я упал, обливаясь кровью. Несколько человек навалилось на меня. Они втащили меня на скамейку, прикрутили к ней ремнями и начали бить. Били меня до тех пор, пока я не потерял сознание. Очнулся я в одиночке.

А через несколько дней ночью меня отправили в Саласпилсский лагерь.

— Вот, кстати, полюбуйтесь его видом! — Янис протянул мне портсигар. На верхней крышке была искусно вырезана гравюра.— Это я вырезал там, в Саласпилсе. После казни Озолиньша. Они повесили его вот здесь! — И Янис показал мне на крошечную виселицу, стоящую посреди лагерного плаца.

Я молча смотрела на Яниса. Он сидел передо мною застывший, словно высеченный из каменной глыбы. На его ладони лежал немой свидетель далекого прошлого — портсигар из пожелтевшей кости.

— Только потом понял я, с каким замечательным человеком пришлось мне жить рядом. Ведь я был только рядовым бойцом, а Озолиньш руководил подпольной организацией лагеря. Однажды он протянул мне серебряное кольцо и сказал:

— Не спрашивай ни о чем, Янис. Ты не должен знать ничего. Так будет лучше. Береги это кольцо и, как только сможешь, передай его на волю, в верные руки. Тот, кто придет за ним, скажет: «Я от Рендниека». А если настанет твоя очередь умирать, не выполнив этого поручения, передай кольцо самому сильному, самому стойкому. И пусть он сделает с ним то, что не сумеешь сделать ты.

— А ты? Разве тебя...

— Сегодня ночью они поймали двух беглецов, которым я помог бежать из лагеря. Их будут пытать. Мало ли что после этого может случиться со мной. И помни: мы никогда не знали друг друга.

— Это приказ?

— Да, это приказ партийного комитета.— Озолиньш испытующе посмотрел на меня, потом на кольцо и тихо сказал: — Ты помнишь Рендниека?

— Да, разве его можно забыть?

— Ведь это он придумал... с кольцами. Их было три. Это последнее. В ночь с пятого на шестое мая, когда начали вызывать по списку, Рендниек подошел ко мне и надел мне на палец это кольцо.

— Но на нем твоя монограмма! — удивился я, взглянув на кольцо.

— Он все предусмотрел... даже монограмму.

— Какой человек!

— Если выживешь, расскажи о нем. А теперь прощай!

В ту же ночь эсэсовцы увели Озолиньша. А через три дня нас снова согнали на плац. Там стояли три виселицы. Троих повесили на наших глазах. По бокам — беглецов, а посредине — Озолиньша. И три дня их не вынимали из петли. Три дня мы должны были утром и вечером смотреть на их посиневшие лица.

— А кольцо... где же третье кольцо?

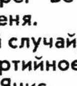
— Я берег его, кажется, больше, чем самого себя! — с трудом выдавил из себя Янис.— Но их было четверо, а я... один.

— Как же это случилось?

— Много раз я пытался передать кольцо на волю. Когда все было окончательно подготовлено, я впервые надел кольцо на руку. Было условлено, что за ним придут. И вот когда пришедший подал мне знак, я тоже ответил ему условленным знаком и поднял руку.

Охранник заметил на моей руке кольцо и кинулся ко мне. Я не хотел его отдавать, но... их было четверо. Они отняли у меня кольцо, а я очутился в карцере. Вероятно, кто-то донес на меня.

— Это был единственный случай, когда я не выполнил партийное поручение,— тихо добавил Янис.





Жизнь на с

Н. ХРАБРОВА

Маленькая Кярт живет сейчас в сказочном мире, в стране Четырех Озер. На берегах озер стоят деревья-великаны с большими листьями, и если Кярт попадает в их шум, ей хорошо спится. Со дна озер растут такие же деревья, только макушкой вниз.

И еще в этом сказочном государстве есть добрые феи, которые то поодиночке, то все вместе склоняются над коляской Кярт, едва она вздохнет, повернется, заплачет... Имя каждой феи — мама, но у них есть и другие имена. Например, та мама, у которой красное в белый горошек платье, которая красиво и звонко смеется и быстрее всех бежит к Кярт, когда ей хочется есть, зовется еще Ливия. У другой три имени: мама, Эльза и бабушка. Есть еще одна — с белыми, как лепестки кувшинок, волосами, с тихим и спокойным голосом и уютными руками, у нее четыре имени: мама, Юханна, бабушка и прабабушка. Есть у Кярт еще один человек, у которого руки сильные и осторожные, — его называют папа и Аллан.

Кярт еще ничего не понимает в этом мире! Она живет по воле мам, которые ее кормят, поят и переодевают и возят ее коляску то в зеленый свет, где спокойно и прохладно, то в золотой свет, где жарко и весело.

Но с каждым месяцем, с каждым днем приближается время, когда Кярт узнает, что страна Четырех Озер — всего-навсего красивый дачный поселок Аэгвийду-Нелиярве, но зато вокруг, близко и далеко отсюда, лежит огромный мир, полный света и тени. И она устремится узнавать этот мир.

А мамы?..

...Тихие, занесенные снегами, стояли за лесами и болотами домики поселка Вяйке-Маарья. И бегала по сугробам из далекого хутора в школу маленькая крестьянская девочка Юханна Сооп. Ее соседом по парте был мальчишка Антон Таммсааре — будущий прогрессивный эстонский писатель. А преподавателем в школе был поэт Якоб Тамм, уже тогда известный и любимый в народе. Кто знает, если бы не он, может быть, жизнь Юханны Сооп, ее дочери, внучек и правнучек никогда бы не вышла за пределы Вяйке-Маарья?.. Впрочем, не в этом, конечно, дело, скажет прабабушка Юханна: ведь можно жить в Москве или в Таллине и не видеть, даже не пытаться видеть ничего дальше стен собственной квартиры. Вот Якоб Тамм, например, много лет прожил в Вяйке-Маарья, а мир его был богат и широк. Может быть, потому, что Юханна хорошо рисовала и любила книги, учитель-поэт занимался ею несколько больше, чем другими, может быть, поэтому он посвящал ей свои стихи.

Со школьных лет книги и музыка, живопись и история, мечта об узнавании и об образовании стала целью жизни эстонской крестьянской девушки Юханны Сооп. Мечта сбылась и еще не сбылась: ведь до тех пор, пока живешь, пока рождаются музыканты, художники и поэты, этому познаванию нет предела. И прабабушка Юханна до сих пор, в свои восемьдесят лет, — главный литературный консультант в семье: она первая высказывает свое мнение о новых книгах и советует своим вечно занятым потомкам, как читать: что можно отложить, что можно не читать вообще и без чего просто нельзя жить.

Еще во многих семейных делах прабабушка и нынче «капитан», так же как и раньше, во времена трудные, в годы сомнений и колебаний, когда она стойко вела свою семью по определенному, ей хорошо известному курсу. Как мы назовем этот курс? Прогресс? Справедливость? Разум? Любовь к народу, к его истории и будущему? Может быть, это слишком большие слова, слишком широкие понятия для одной маленькой клеточки — семьи? Но ведь именно этими понятиями хотела жить и жила эстонская женщина с простым именем Юханна.

— ...Если мама была в нашей семье капитаном, то мне выпала роль диспетчера, — говорит ее дочь Эльза, мать четырех братьев и сестер Мурдмаа, и улыбка еще больше поднимает вверх кончики бровей и уголки глаз. Глаза у нее карие и молодые, с своеобразным — немножко рассеянным — взглядом, характер живой и веселый.

— Впрочем, — продолжает она, — последнее время моя материнская роль сводится к беготне на вокзалы, на почту: мои дети постоянно приезжают и уезжают.

— А вы хотели бы для них другой жизни?

— Нет, — говорит Эльза Мурдмаа, — нет и нет! Я счастлива и спокойна за них: все они нашли для себя самое главное.

Как трудно найти подчас для себя самое важное в жизни!

Была в семье тетя Альма — революционерка. Она считала самым главным для себя борьбу с буржуазией. Дни, проведенные с нею, были для Эльзы наполнены революционными песнями, митингами, тайными рабочими собраниями в лесу. Потом все изменилось: в России произошла Октябрьская революция, а Эстония стала «независимым» буржуазным государством. О, как ненавидела эстонская буржуазия революцию! А заодно с ней и русских — этих носителей «красной заразы»! Этих «варваров», которые вечно заняты то революцией, то социализмом и не успевают следить за модой и за хорошими манерами! Этих «чудаков», которые носятся со своим Чайковским и не знают толка ни в джазовой музыке, ни в ночных ресторанах!

Юханна качала головой, и учила Эльзу говорить по-русски, и читала ей наизусть своего любимого Лермонтова — много, страницу за страницей. Эльза слышала, как мать с отцом говорили о том, что эстонский народ одарен и трудолюбив, у него своя культура, самобытная и глубокая, но нельзя же ее вот так искусственно отрывать от культуры других народов и насильно пичкать чем-то одним.

И на столе у Эльзы, слушательницы таллинских высших курсов, появлялись книги эстонские, русские, немецкие и французские... Среди них была одна, которую тогда она любила больше всех: «Моя жизнь в искусстве» Станиславского. Голова была полна театром и балетом! Но Эльза знала, что в искусстве ей навсегда отведена одна роль — роль зрителя, которая тоже очень важна и тоже требует жертв. Ведь на маленький заработок «канцелярской крысы» в министерстве не очень-то находишься в театр: надо выбирать или театр, или обед. Конечно, обедов было меньше, чем спектаклей.

Оскар Мурдмаа был тогда молодым, полным надежд художником. Его предложение Эльзе звучало очень романтично:

— Выходите за меня замуж, и поедем в Париж!

Кого из талантливых людей не тянул к себе этот город! Тянул и отталкивал: ведь и здесь искусство идет об руку с голодом. В Париже у приезжих художников — если они не миллионеры — постоянно в избытке пища духовная, но и постоянно нет денег для хлеба насущного.

Они были готовы в Париже на любую работу. Иногда находили ее и снова теряли.

После двух лет такой жизни решили вернуться домой, в Эстонию: может быть, будет лучше.

Но в Эстонии тоже ничего не изменилось, и они жили все так же: читали, учились, искали применения своим силам и способностям и не находили.

Но вот в год, когда в семье было уже четверо детей — девятилетний Ивар, шестилетний Аллан, пятилетняя Кай и двухлетняя Май, — в этот год все изменилось. Жизнь в стране повернула на новый путь. Оскар, конечно, не мог сразу осознать грандиозность всеобщей перемены — для этого слишком мал был срок, — но он остро ощутил ее на своей собственной судьбе. Он прибегал домой, весело жаловался, что страшно перегружен, и все повторял полюбившуюся ему фразу:

— Все перевернулось! Теперь не художники ищут работу, а сама работа ищет художников. Ты только погляди, Эльза, как я занят: выставка за выставкой, оформление павильона, плакаты!

Шел бурный, горячий 1940—1941 год. И вдруг — война. Оскар — на фронт, Юханна и Эльза с детьми эвакуировались в Челябинскую область. О, сколько им пришлось вынести в те годы!

Коммунист Оскар Мурдмаа больше не вернулся в Эстонию: он погиб на Южном фронте.

Юханна и Эльза привезли домой, в полуразрушенный Таллин, вытянувшихся, худых детей, научившихся молча переносить голод и холод, умеющих работать и учиться.

Началась мирная жизнь. Эльза стала работать в редакции, дети пошли в школу, бабушка углубилась в нелегкое послевоенное домашнее хозяйство.

Дети росли совершенно разными, и надо было уловить это разное в них, безошибочно разглядеть, чему дать ход, а что «прижать».

Ивар любил точные науки. И вот закончена школа с серебряной медалью. Мальчик уже знает, чего хочет: он пойдет в Московский геологоразведочный институт. Он не смущался тем, что еще недостаточно хорошо знает русский язык. Ивар первым в семье «разомкнул границу» и уехал в Москву, потому что именно там находился институт, который ему нравился. В письме из Москвы домой он писал, что все лучшие геологи страны — выпускники этого института.

После окончания института Ивар поступил в аспирантуру на отделение океанологии.

И вскоре эстонский юноша вместе с виднейшими советскими учеными отправился в антарктическую экспедицию на корабле «Обь». Он прошел вокруг света. Между прочим, на обратном пути Ивар встретился в австралийском порту Аделаида со своим путешествующим земляком — писателем Юханом Смуулом. Об этой встрече можно прочитать в «Ледовой книге» Смуула, — правда, очень коротко. Возможно, подробно о работе экспедиции мы скоро прочтем другую книгу. Она будет и художественной и научно-популярной, главной героиней ее будет океанология, а автором — московский аспирант Ивар Мурдмаа.

Другой сын Эльзы, Аллан, любил рисовать. Мать радовалась: не пропал дар отца. Когда Аллан окончил школу с золотой медалью, в кругу его друзей само собой разумелось, что он поступит в Таллинский художественный институт. Только для Аллана само собой разумелось другое, — он тоже поехал в Москву и стал учиться в архитектурном институте. Теперь институт окончен. Аллан снова в Таллине. Он архитектор «Эстонпроекта». Творческая биография его только начинается. Но его уже избрали членом правления Союза таллинских архитекторов. Ему вместе с бригадой наиболее способных поручено участвовать в международном конкурсе на лучшую планировку и застройку жилого района. Не забыл его и комсомол: Аллан — снова член Таллинского горкома комсомола.

Сейчас он делает новый типовой проект школы. Это будет современная трудовая политехническая школа с мастерскими, с хорошим спортивным комплексом. Готов и типовой проект клуба для маленьких городов республики. И на много дней вперед задуманы планы: гостиница для туристов, санаторий,

общественный центр с отелем. Аллану нравится проектирование таких зданий, где в одном комплексе надо разрабатывать элементы жилых комнат и общественных помещений.

Теперь о дочерях...

Кай с самого раннего возраста была человеком очень практического склада и умела терпеливо и добросовестно добираться до сути вещей. Однажды ее, совсем маленькую, подвели к новогодней витрине.

— Смотри, как красиво летают в окне снежинки и какие густые ели растут за окном.

Кай сказала:

— Подумать только, оказывается, из ваты можно сделать почти настоящие снежинки!

Ивар помнит такой разговор с Кай. Они идут мимо церкви, и Кай спрашивает:

— Кто живет в этом доме?

Ивар, тоже имевший о церкви весьма смутное представление, отвечает кратко:

— Бог.

— Один?! — возмутилась Кай.

С ее точки зрения, такая роскошь была никому не нужной и неоправданной.

И все-таки, несмотря на свои практические наклонности, вероятно, оттого, что семья всегда тяготела к искусству, Кай тоже казалось, что и она тяготеет. Она поступила в хореографическое училище и заставила себя прозаниматься в нем три года. Потом подросла и убедилась, что балет — это, конечно, прекрасно, но ее-то больше всего интересует физика и математика. А тут, как раз к моменту окончания школы, открылся университет на Ленинских горах в Москве. Кто не мечтал о нем? И Кай поступила на физический факультет университета.

Теперь Кай уже окончила университет и стала москвичкой. Фамилия ее больше не Мурдмаа, а Киселева, она стала членом московской семьи известных физиков и математиков Киселевых. У нее есть дочка Аннушка, которая старше таллинской двоюродной сестренки Кярт, дочери Аллана, на целый год. Кай работает в научно-исследовательском институте, и тема ее исследований настолько сложна, что ни мама, ни бабушка, никогда не имевшие страсти к точным наукам, просто не могут выговорить названия этой темы.

...Май, или, как ее сразу начинают называть все, кто с ней знакомится, Майка, начала ходить в балет просто так. Кай ходила, и ей тоже захотелось. Но с ней все было иначе: с первого раза, как только она вошла в большое помещение, полное музыки и движущихся в легком танце девочек, Майка сразу оторвалась от прочих интересов. На вид в те годы она была тихой и скромной, даже задумчивой и мечтательной, но со всеми этими качествами в ней прекрасно уживался еще сорванец и остряк. Она прославилась в школе тем, что никогда не терпела ни малейшей лжи, ни малейшей хитрости и обмана и никаких компромиссов между ложью и правдой. В бой за справедливость она бросалась с отвагой. Именно отвага оказалась самым стойким свойством этого нежного характера.

Однажды девочка, учившаяся с Майкой в одном классе, совершила антиобщественный поступок. Эту девочку за ее капризный и неправдивый характер не очень любили в классе, недолюбливала и Майка. На этот раз класс решил ее бойкотировать.

— Мы не будем с тобой разговаривать, пока ты не исправишься, — подтвердила учительница решение класса.

И вдруг вскочила Майка, негодуя и смущаясь своей храбрости.

— Это несоветский подход! — крикнула она учительнице, по всей вероятности, еще бывшей в плену старой, буржуазной педагогики. — Я не согласна, я буду разговаривать с ней. Человек не должен быть один!

Девять лет занималась Майка в двух школах, и в обеих хорошо. У нее не было выходных, не было каникул. Дома не любят громких слов, и никто не называл труд Майки подвигом во имя искусства. Но это был настоящий подвиг. Все радовались, когда на выпускном вечере она танцевала Черного лебедя. Окончив школу, поступила в театр оперы и балета «Эстония». После успешного выступления в эстонском балете «Златопряхи» стала готовить Одетту в «Лебедином озере».

И тут случилось несчастье. На репетиции Майка упала и повредила коленную чашечку. Шли дни, и другие балерины танцевали Лебедя. Шли дни, а врачи все не разрешали возвращаться на сцену, говорили, что нужно время и терпение, пока чашечка придет в норму. Шли дни за учебниками, за подготовкой к экзаменам в Тартуском университете, где она занималась заочно на историко-филологическом факультете. Казалось, Майка перестала отчаиваться, смирилась.

Нет, Майка осталась верна балету.

— Пока нельзя танцевать, можно ведь создавать танцы. От балета меня отставить нельзя даже на время.

И по проторенной братьями и сестрой дорожке умчалась в Москву — в ГИТИС, на балетмейстерское отделение.

— Вот видишь, Кярт, — скажут когда-нибудь прабабушка Юханна и бабушка Эльза, склонные к размышлениям и обобщениям, — видишь, как складывались дела этого поколения твоих родственников в середине двадцатого века, к двадцатилетию Советской власти в Эстонии. Они были способные люди — это так! Они умели развивать свои способности, глядеть дальше стен своей квартиры и жить на свету, — это тоже так! Но не в каждой стране, не в каждую эпоху это возможно...

свету



Над коляской маленькой Кярт склонилась бабушка Эльза, прабабушка Юханна и мама Ливия.
Фото А. Узляна.

Братья и сестры Мурдмаа. Слева направо: Ивар, Май, Кай и Аллан.
Фото Г. Санько.





ВСЕ-ТАКИ УЧИЛИСЬ ВМЕСТЕ

Лео **КЕРГЕ**

Рисунки Е. Ведерникова.

Сперва начал хлестать дождь, и дорога стала скользкой, потом наступили сумерки, и под конец заглох мотор. Когда были потеряны галоши и надежда на то, что мотор снова заработает, я толкнул машину на обочину и стал расспрашивать о ночлеге старика, который некоторое время равнодушно глядел на мои усилия.

— А ты зайди к священнику. Он один в целом доме,— отозвался тот.

— Что за священник у вас тут? — удивился я.

— Самый допотопный православный священник,— заверил старик.— Дуй отсюда через мостик вдоль магистральной канавы — и ста сажен не будет.

Дом священника показался угрюмым и заброшенным. Я ощупью нашел кухонное крыльцо, погрохотал скобой и попал в коридорчик, из которого открытая дверь вела в переднюю. Там на опрокинутой бочке горела свеча в высоком серебряном подсвечнике. Спиной ко мне стоял человек в подвернутых до колен штанах и солил огурцы.

Я поздоровался и спросил, дома ли священник.

— Я и есть священник,— ответил соливший огурцы человек,— только в такую собачью погоду я не пойду даже к умирающему, пусть подождет до утра.

Он чихнул, перекрестился огурцом и повернул ко мне узкое бледное лицо с необычайно длинными верхними веками и горсткой веснушек, рассыпанных на каждой скуле.

— Здравствуй, Амандус,— воскликнул я,— вот уж никак не ожидал!

Мой бывший одноклассник бросил огурец в бочку и изобразил на лице улыбку.

Так я попал в жилище священника, где печь была полна огня, время стояло, а на гвозде висело служебное одеяние моего одноклассника и охотничья двустволка.

— Все мы грешны,— вздохнул Амандус, устраивая на стол заодно с чайной посудой и графин с рюмками. Когда мы добрались до неизбежного вопроса «Как поживаешь?», одноклассник пожал плечом, опустил тяжелые веки и рассказал, что он с женой разведен, что церковь старая, вот-вот разрушится, приход маленький и народ тупой.

— За все лето двенадцать причастников едва набралось,— пояснил он,— сам понимаешь... А несколько лет назад причастники шли по два захода в месяц. Э-эх!.. Ну, будем здоровы! Ты помнишь Ясся Кулдхаамера?

— Маленького Ясся? Еще бы! Он как будто тоже где-то в этих краях...

— Тут. Вокруг меня, как Рим вокруг Ватикана. Не понимаешь? А чего тут не понимать! Вокруг церкви — земли колхоза. Яссь — председатель колхоза.

— Что ты говоришь? Маленький Яссь — председатель колхоза?!

— Какой уж он теперь маленький! — Амандус как-то неопределенно махнул рукой.— Депутат, передовик животноводства и пес знает, кто он еще. А вообще-то Яссь как Яссь. Тихий, сговорчивый, на слово приятный. Все-таки учились вместе... Только бы он фокусы свои бросил...

— Какие фокусы?

— Известно, какие... Вот строят однажды колхозу сарай. Глядеть жалко, как со стройматериалами обращаются. Как раз Яссь встретился. Говорю ему: мне бы охапку-другую обрезков и остатков, все равно на топливо пойдут. А у меня потолок в церкви обрушивается, двери разболтались, совсем ветра не держат.

Яссь подумал немножко и говорит: «Не дам. Если бы ты загородку для свиньи захотел починить, дал бы со всем удовольствием, а для церкви не дам. И не проси, все равно не получишь».

Вот как сказал! Я опять: о матери своей старушке подумал бы, говорю. Стоит добрый человек каждое воскресенье в церкви, а с потолка прямо за воротник течет. Ну, и учились вместе все-таки...

«Ладно,— говорит Яссь,— передумал я. Досок дам. А больше ничего не получишь. Ну, и, конечно, товар за товар, как говорится...»

«Денег у прихода нет,— говорю,— а молитвы ты, как видно, уважать не умеешь, хотя по твоему грешному облику тебе молиться бы так, чтобы спина вспотела. Пора бы тебе и о душе подумать».

«Я приходских денег не хочу, а грехов у меня нет,— отвечает Яссь,— но рабочих рук по нынешнему урожаю маловато, а осень так и прет вперед. Приходи на недельку-другую в колхоз картошку копать, вот и квиты будем».

— Ну, по этим словам сразу Ясся узнаешь! — рассмеялся я и откусил огурец.

— Правда? — ухмыльнулся Амандус одной половиной рта и приподнял веки.— Я уж чуть было не отправился на картофельное поле, да сан не позволяет. В деревне только и ждут эту косточку в зубы: поп на колхозном поле картошку копает! Ну, после богослужения спрашиваю у матери Ясся: «В бога веришь?» «Почти,— отвечает вредная и дерзкая старуха,— почти не верю». «Каждое воскресенье ходишь в церковь,— оторопел я,— и в бога не веришь?!» «В церковь,— говорит,— хожу на всякий случай». Я только плюнул и перекрестился. Тупой народ и своекорыстный. Веры настоящей с каждым днем все меньше. Весь приход исходил, хочешь верь, хочешь нет — все под каким-нибудь предлогом отказываются: у кого зуб болит, у кого корова телится. Только две верных души нашлось, которым еще дом божий дорог,— Алттоа Мадис и Охму-Миили. Они вдвоем на следующее утро вышли на поле и работали целую неделю во славу господню. Даже Яссь сказал, что работа правильная, и обещал, согласно договоренности, прислать доски.

И прислал на другой день две телеги обрезков. Одну — Мадису, другую — Миили. Прихожу к Мадису во двор, а он как раз заколачивает последний гвоздь в стену сарая и говорит будто бы между прочим: «Жидковат сарай был, вот гляди теперь, подбил немного». А Охму-Миили набралась нахальства и прямо в глаза мне: «Путаные речи несешь с амвона и унылые, как сонная трава. Вот в городе, в молельне, как заговорят про последний день и про светопреставление, аж в дрожь бросает. Как будто избитая ходишь несколько дней, и во всем теле благоговение».

Гнусность такая! Как только матерь божья не покарала Миили тут же на месте! А с Яссем, когда встречаемся, все же здороваемся. Все-таки учились вместе...

Амандус вздохнул и посмотрел графин на свет — пусто...

Наутро дождь прошел. При дневном свете я быстро нашел повреждение в моторе, а также галоши. Потряс узкую влажную руку соученика и помчался в город.

А несколько дней назад в мясной лавке я слышал, как старушка в черном платке шептала нашей бывшей домохозяйке, «госпоже домохозяйке», как они ее называют, о новом проповеднике в секте «Голгофа»:

— И лицо не такое, как у мирских,— длинное и бледное, в глазах священный огонь, веки тяжелые. И страшным словом о светопреставлении так жжет, что все помещение прямо серой пахнет! Я и старика с собой повела, так он, бедняга, с перепугу пить кинулся. Третью неделю подряд запоем пьет. Ох, грехи наши, грехи!..

Перевод с эстонского Н. СЕРГЕЕВОЙ.



Свобо

Рассказ

А. **ЧЕКУОЛИС**

Буксир «Марко» перевернулся и затонул со всей командой — пятью парнями, которые работали там и матросами, и штурманами, а заодно и кочегарами.

Во всем был виноват Рейнекреенсен. Услышав о катастрофе, ни одна живая душа на всех Фарерских островах не помянула его добрым словом. Разве еще десять лет назад, когда он купил свой колесный буксир и начал забираться далеко за ворота гавани, не предупреждали его опытные люди: добром это не кончится? С океаном шутки плохи! «Марко» мог вводить в заблуждение только проезжих капитанов, которые вечно торопятся и готовы сунуть деньги хоть черту в зубы, только бы поскорее поставить свои посудины под угольную эстакаду, а потом опять выволочь их в море. А в этом Рейнекреенсен собаку съел. Едва лишь на мачте портовой инспекции взовьется треугольный флажок — знак приближения корабля,— «Марко», вечно стоявший под парами, первый вылетит стрелой в морские ворота.

Вдали, за горизонтом, поднимается черный грибок. Минуту спустя уже видны и клубы дыма и лес труб, кранов и мачт, и вскоре «Марко» качается на волнах возле упирающихся в небо серых бортов парохода. Ритмично гудят и пышут жаром машины, фонтаном бьет вода из охладительной системы; наверху, словно сонные мухи по краям миски, ползают матросы, мелькает капитанская фуражка.

Двигая широкими лопатками, буксир разворачивается и нагоняет судно. Железный семиэтажный гигант, который режет волны носом, нацеленным точно на Торсхавнский маяк, не должен ради паршивого буксира сбавлять скорость и хотя бы на дробь дюйма сворачивать в сторону.

Перед глазами моряков дальнего плавания люди проходят, как в калейдоскопе. Но в этого лоцмана хотелось вглядеться повнимательнее. Может, потому, что он нисколько не расшаркивался и, войдя в рубку, приковывал общее внимание и сразу всех затмевал. Эту его особенность заметил и я: Рейнекреенсен часто заводил в порт Торсхавн и наши советские суда, промышлявшие сельдь. Никогда бы не забыл его, если бы даже видел только один раз. Высокий, руки вылезают из форменного пиджака, поджарый, рыжеволосый. Лицо усыпано коричневыми веснушками, а тонкий, как лезвие, нос и веки глаз настолько конопатые, что даже неловко присматриваться. И все-таки по-своему красив! Может, мужественный вид придавали ему две резкие складки между ноздрями и уголками губ. Вопьется глазами в горные вершины, возвышающиеся над портом, и, не оборачиваясь, подает команду рулевому. Два, три часа, а при встречном ветре и все пять часов не отрывается от моря, по одному ему известного пути, протянувшегося средь утесов и мелей. Наклонится вперед, широко расставя ноги, чтобы тверже ощущать палубу, широкими лопастями рук уцепится за подоконник и даже не глянет на стрелку компаса —

да инициативы

и без нее отлично заметит, если волны откинут судно хотя бы на полградуса от намеченного курса (на полградуса из трехсот шестидесяти, на которые разделена компасная картушка!). И тогда на рулевого обрушиваются громовые слова, от которых бледнеют бывалые штурвальные, а в замерзшей рубке только и слышно тикание электрического лага.

Крупное судно и куцый, плоский траулер, ведомые Рейнекреенсеном, пришвартовывались к пирсу бесшумно — сразу всем бортом. О, Рейнекреенсен по первому покачиванию корабля на первой волне чувствовал его особенности! Только в порту снимал с подоконника рубки побелевшие от напряжения руки и становился предупредительным и любезным.

Но всегда, и в море и во время непринужденной беседы, когда капитан по обычаю подносил лоцману армянского коньяку, Рейнекреенсен сразу же ощущал любой взгляд, устремленный на него — все равно, в лицо или в спину. И тогда он весь напрягался, как струна, и его большие карие глаза начинали неумолимо допытываться у глядящего: «А ты кто таков? И что ты значишь здесь, на этом судне?»

У «Марко» клиентуры было больше, чем у любого другого буксира, и поэтому его экипаж так цеплялся за свою опасную службу: тут можно было хорошо заработать. Из-за своей алчности и погиб Рейнекреенсен.

Запертые штормом, мы стояли тогда в одном из фиордов. Уже две недели в море свирепствовала буря — носа нельзя было высунуть. Половина траулеров нашей экспедиции не успела доплыть до Фарер и штормовала в открытом океане. Мы тревожились за них: радиосвязь часто прерывалась. На две недели замерла жизнь в порту Торсхавн. Но Рейнекреенсен, приняв позывные этого злосчастного шведа «Аргуса», сразу вышел в море. Словно сам искал своей смерти. Когда один кочегар запротестовал, Рейнекреенсен выволок его за шиворот на пирс и сбил с ног. Вскоре «Марко» исчез за морскими воротами. Больше его никто не видал.

Речному ли буксиришке плавать в шторм? Я уже говорил, в Торсхавне никто не пожалел Рейнекреенсена. Разве что Рози из предместья — жена рыбака Торвальдсена. Прошло три дня, буря улеглась, пришвартовался наконец этот злополучный «Аргус», причалил почтовый пароходик из Копенгагена. Губернатор обзвонил все поселки — никто ничего не знал о «Марко» и о его команде. Рози тоже ходила вместе со всеми по гавани — никто не обращал на нее внимания. Все напряженно ожидали ответа советской флотилии. Когда же губернатор появился с нашей радиограммой и прочел ее вслух, Рози закричала, как кликуша, заметалась по земле, рыдая, забилась головой о булыжники набережной. Мужчины на руках снесли ее домой. Она оттолкнула ошарашенного Торвальдсена и побежала наверх, на чердак с кровлей из торфяных плиток.

К счастью, муж поспешил следом и успел вытащить ее из петли. Женщину удалось привести в сознание. Но на следующий день, бросив мужа и троих ребят, жена Торвальдсена на почтовом пароходике уехала в Копенгаген. Не захватила с собой ничего — даже смены белья — и записки никакой не оставила. Фарерцы — самые флегматичные люди на всем земном шаре. Никто ни о чем не догадался. Все полагали, что Рози заболела. Торвальдсен так и не привел больше в дом другой жены и сам растил троих детей.

А рассказал мне все это один человек, его трудную скандинавскую фамилию я позабыл. Но на Фарерах решительно все знают седого старика с увядшим лицом, в потертой униформе морского офицера, единственного запойного пьяницу в тех местах. Трудно приходилось старику: на островах действует суровый «сухой закон»...

В тот раз прибывшие на промысел траулеры только что привезли мне из Вильнюса посылку, в которой, кроме фруктов, лука и других необходимых в дальнем плавании вещей, имелась и бутылка «Столичной». Старик захаживал к нам, когда наши суда стояли в гавани. Вахтенные его не задерживали.

Забрел он и в тот день и вонзился глазами в бутылку. Мы расселись на краю люка, он подошел и крикнул скрипучим голосом:

— С приездом, добро пожаловать! — Старик умильно улыбался и размахивал руками так, как это делают перед незнакомыми людьми пьяницы, рассчитывая на угощение.

Товарищи налили ему стаканчик. Старик, втягивая воздух, осушил его и, чуть не сразу захмелев, без приглашения уселся на люк. Мы толковали между собой о недавней трагедии, жалели хорошего лоцмана. Услышав фамилию Рейнекреенсена, старик тотчас же ввязался в разговор. Мы слушали его только из вежливости. Тогда он разозлился и, глотая слова, торопливо застучал кулаком по люку. То ли от водки, то ли от того, что вокруг были люди, не связанные с Фарерами, которые он называл не иначе, как «богом проклятые, загаженные птицами камни», старик рассказал обо всем очень подробно.

В 1939 году, когда Фьел Рейнекреенсен в первый раз зашел на консервную фабрику Ошерена, ему было двадцать лет. До тех пор он все время помогал отцу: тот немножко рыбачил, немножко промышлял ткачеством. Здесь, на островах, детей воспитывают строго, и до двадцатилетнего возраста Фьел перед сном обязан был целовать руку родителям.

Маленькая фабрика Ошерена заменяла молодежи поселка клуб. За длинными столами девушки в клеенчатых халатах и платочках по самые глаза шкерили рыбу. Парни могли беседовать с ними, только стоя в дверях. Заходить внутрь строго воспрещалось. Здесь, у Ошерена, начинался путь многих брачных пар Торсхавна. Тут и застенчивый золотоволосый Фьел, усыпанный веснушками, в первый раз увидал Рози.

Ему померещилось, словно у темного конца конвейера что-то светится. Может, действительно халат Рози был белее, чем у других, но разве не светится эта белая кожа лица, эти бронзовые кудри? Когда она подошла к лампам, чтобы раздать подругам отточенные ножи, Фьел, к своему изумлению, убедился, что где-то ее уже видел. Хотя Рози была с другого конца поселка, может, Фьел и был прав: разве точно припомнишь, что снится в беспокойные ночи нам, двадцатилетним? Рози подняла голову и заглянула в карие глаза Фьела. У обоих было странное ощущение — словно они смотрят не в чужие глаза, а в свои собственные. Юноша терпеливо дождался конца работы, проводил ее и возле дома поцеловал в губы. На ее губах он почувствовал селедочную чешую. Они не прочли ни единого романа и не сказали друг другу почти ни слова. На другое утро Фьел объявил отцу, что хочет жениться.

Старик не перечил. Сшил сыну костюм из черного сукна и отправил в Англию. Исстари фарерские парни уходили в английский торговый флот, а потом возвращались на родину — завести семью и взяться за рыбный промысел. Побывали у англичан и отец Фьела, и дед, и прадед. Это единственная возможность сколотить деньги на постройку дома, на покупку вельбота. Происходило все это, как я сказал, в 1939 году. В Европе началась война, и на британских торговых судах платили двойное жалованье, а каждую неделю открывались вакансии.

Перед отплытием в гавань прибежала Рози. Она обняла Фьела и поцеловала. Юноше показалось, что губы Рози опять соленые. Может, и в самом деле было так — Рози прибежала прямо с работы. Ничуть не дивясь собственной смелости, словно совершая нечто обычное, он взял в ладони ее круглое лицо и долго разглядывал. Как и в тот раз, они не сказали друг другу ни слова. Не знали, что говорить, когда все и так уже ясно.

Рози не плакала. Женщины на островах закалены, они привыкли спокойно встречать невзгоды.

После того как пароход отчалил, Рози стала каждый день тайком приходить на пристань. Не вздыхала, пригорюнившись, только постоит на том самом месте, где они простились, взглянет на морские ворота, через которые входили и уходили корабли. У дверей фабрики она не разговаривала ни с одним парнем, и молодежь прозвала ее отшельницей. На ее прощание с Фьелом никто не обратил внимания: мало ли что приходит девчонке в голову, когда заревет судовая сирена. Весь поселок отлично знал, что до этого они никогда не бывали вместе. Накануне ночью их вдвоем тоже никто не видел, а если бы и увидел, разве каждый поймет, что может значить одна ночь?

Первый корабль, на который попал Рейнекреенсен, «Стури», затонул в Средиземном море — нарвался на мину. Вообще Фьелу здорово везло. Перед этим «Стури» проплавал одиннадцать месяцев и всего два раза попадал под обстрел с самолетов. Фьел работал юнгой,— на что же еще годится парень с островов? — обзавелся приличной одеждой, поднакопил денег. Все это, конечно, пошло ко дну. Фьела выловила подводная лодка, и командир еще долго ругался, не желая принимать «утопленника»: подлодка была набита эвакуируемыми из зоны Суэцкого канала.

В Гибралтаре Фьел нанялся на танкер «Ланкашир», конечно, снова юнгой. На этот раз он был похитрее и застраховал свои вещи. В Малайском архипелаге на «Ланкашир» обрушился со всем своим самолетом и бомбовым грузом японский камикадзе, летчик-самоубийца. Рейнекреенсен снова спасся и попал в японский лагерь для военнопленных. Его держали на Малаях, потом отвезли в Японию. Там он и еще двое приятелей убили японского рыбака, похитили лодку и удрали в Китай, затем перешли в Советский Союз и во Владивостоке поступили на панамский пароход «Телегран». Это судно никогда не видело панамских берегов, команда его состояла из американских негров и итальянцев. Но судовладельцы американцы зарегистрировали свой «Телегран» в Панаме, поскольку там самые низкие налоги и нет рабочего законодательства. У Мурманска «Телегран» торпедировали немцы. Спасшиеся матросы возбудили иск против компании, требуя хотя бы оплаты за прослуженное ими время. Но суд, разбиравший дело заочно, постановил, что тяготы военного времени в одинаковой мере несут и владельцы и моряки. Экипаж не получил ни гроша. Только впоследствии Рейнекреенсен узнал, что их надули самым бессовестным образом. Судовладельцам досталась страховая премия, превышавшая стоимость корабля. Страховку получили и собственники «Стури» и «Ланкашира». Но люди с островов не мастера судиться, если бы даже истцам и легко было бы явиться по «месту регистрации корабля», как этого требует закон. Они только привыкли служить юнгами да еще матросами второго, а реже первого класса во всех флотах всего мира.

Фьел остался без гроша в кармане — у него было ровно столько же, сколько при отплытии из родного Торсхавна. Но это уже был не прежний застенчивый паренек с золоти-

стыми кудрями. За эти четыре года руки у Фьела стали цепкими, как лопата кочегара, крепкими, как когти ястреба. На удивление всей команде, он мог закинуть на плечи балластный блок и спокойно швырнуть его в воду. Лицо Фьела стало красноватым, а золотые веснушки — темно-коричневыми, они усыпали лицо, крупный нос, губы, веки и даже руки с огрубевшими суставами. Волосы приобрели медный оттенок, вокруг рта залегли две острые складки, и женщины на улицах оборачивались, чтобы взглянуть на него — в плену Фьел еще больше вытянулся.

Теперь он многое понял в жизни, понял, конечно, на свой лад. В Мурманске и во Владивостоке он, должно быть, не раз проходил мимо Дома иностранного моряка, но никогда не заглядывал внутрь: он был из тех, которые, как говорится, избегают политики... Фьел знал, что ему нужно — денег! На своих губах он постоянно ощущал соленые губы Рози с селедочной чешуйкой, чувствовал в своих ладонях круглое девичье лицо, хотя за это время не раз с его рук сходила кожа — всегда они были исколоты стальными тросами. О Рози и о том вечере, когда ничего не было сказано, он бредил в мурманском госпитале. Сиделка — эвакуированная из Ленинграда учительница — украдкой утирала слезы, не в силах понять, что говорит ей, схватив за локоть, этот чужеземный моряк. И удивительно было бы, если бы она поняла: Рейнекреенсен разговаривал на древнем языке викингов, сохранившемся только на его родных островах и даже не имеющем своей письменности... Так же, как и прежде, Рейнекреенсену нужны были деньги. Не в качестве вознаграждения за четыре года войны, не за раны, обожженное лицо, не за гнилой тростник, которым кормили военнопленных в лагере, не за страх перед смертью и даже не за использованный до конца запас дьявольского везения, отпущенного, как видно, на всю жизнь. Он твердо знал одно: надо накопить денег. Пока он сам не станет хозяином, большие люди не дадут ему и Рози поднять голову. Сунув в карман сухой паек из госпиталя, он явился прямо на американское судно «Маделия», постучался в капитанскую каюту и представился как боцман потопленного «Телеграна». Капитан усомнился, но все-таки принял матросом первого класса.

Тем временем Атлантика непрерывно билась своими волнами о туманные острова викингов. Отец Рейнекреенсена и отец Рози осенью заарендовали у Ошерена вельбот и отправились охотиться на дельфинов: англичане скупали дельфиновое мясо, продавали за него не только муку, достигшую сказочных цен, но и нейлоновые сети. Старик Рейнекреенсен был отличным охотником, и промысел у них шел прекрасно. Возле птичьей скалы он вонзил гарпун с гранатой на кончике в большого черного дельфина «гринда», вожака всей стаи. Дельфин рванулся в сторону, развернулась одна катушка каната. «Гринда» тащил за собой вельбот, словно поплавок. В воду ушел второй канат и третий, последний. «Гринда» метался где-то под водой. Разъяренный Рейнекреенсен — он был таким же упрямым, как и его сын,— несколько раз обмотал конец линя вокруг кисти. Не отпускать же дельфина со всем запасом сизальского каната! Дельфин внезапно нырнул вглубь. Отец Рози увидел только, как, мелькнув каблуками, охотник исчез под водою.

Напрасно отец Рози кружил на вельботе, надеясь, что всплывет труп товарища. Только две недели спустя другие охотники нашли в море сдохшего дельфина и, вытягивая трос с вонзенным в тушу гарпуном, обнаружили Рейнекреенсена. Конец каната все еще был обмотан вокруг его кисти. Однако отец Рози не узнал об этом. Один он уже не мог справиться с вельботом, и юго-восточным ветром его отнесло к Исландии. Кончился запас продовольствия, целую неделю старый рыбак днем и ночью вычерпывал из вельбота ледяную воду. Ему удалось пригнать вельбот домой, но пожил он после этого всего несколько деньков. Слишком стар был отец Рози для охоты за дельфинами, а может быть, чересчур холодна вода осенью в приполярной зоне.

Нет, Рози не верила, что Фьел погиб в далеких краях. Правда, ей сообщали о его гибели, в муниципалитет поступило даже два официальных извещения, но Рози знала: этого не может быть. Торвальдсен тоже не мог вскружить голову ей и ее матери своим богатством: это был простой рыбак. Но на островах, на голом граните и диабазе не прожить двум одиноким женщинам. Здесь не растут деревья, не рождаются ни хлеб, ни овощи. Фабрика Ошерена работает всего два месяца в году и платит скудно. Если летом не насушить рыбы, не запастись мукой и крупой, доставляемыми из дальних краев, то в зимнее время, когда с базальтовых обрывов обрушивается водяная лавина и не только не доберешься до соседа, но и по лесенке не сойдешь с высокого каменного фундамента во двор,— ты умрешь с голоду! Умрешь, а твой труп соседи найдут только весной, после окончания ливней. Так живут люди на Фарерах. Поэтому Рози вышла замуж за Торвальдсена. Все уладила мать.

А разговоры о том, что американцы неплохо платят морякам, оказались правильными. Кроме того, на «Маделии» Фьел выполнял любую работу: стирал товарищам белье, стоял за них вахты, в часы досуга плел из концов циновки. За каждый половичок капитан платил полдоллара. Война подходила к концу, суда больше не тонули. За короткое время, каких-нибудь шестнадцать месяцев, Фьел собрал немало денег, гораздо больше, чем удавалось скопить любому матросу, возвращавшемуся на острова. После окончания военных действий он не спешил домой. В Германии, в одном городке на Эльбе, он приобрел по дешевке у американского коменданта старый колесный речной буксир. На таком буксире опасно показаться в море, но суденышко было крепким. За несколько ломтей консервированного мяса — о, Рейнекреенсен стал жестоким, как кремень! — немецкие рабочие приварили второй этаж к рубке буксира, изукрасили «Марко» желтыми и черными полосами. Фьелу было известно, что тяжелая рубка ухудшила и без того слабую остойчивость суденышка, но еще лучше он знал, что буксиру с несолидной внешностью дирекция торсхавнского порта не позволит работать.

Только когда он пригнал «Марко» домой, ему все стало известно. Люди предупредили его еще на пристани; возле чугунного кнехта. На этом месте он когда-то сжимал в своих ладонях круглое упругое девичье лицо... Фьел даже не пошел в поселок: он уже знал, что отцовский домик обрушился. Его отремонтировали, и там поселились другие люди. Фьел остался жить у пристани, в единственной каюте своего буксира. С людьми он не встречался. Только женщины, которые, как и прежде, на фабрике уже состарившегося Ошерена судачили друг с другом, подметили, что новый капитан не улыбается ни одной девушке. Но ни одна из них не знала, как часто за все эти шесть лет Фьел Рейнекреенсен вспоминал губы Рози. В какой бы уголок земного шара ни забрасывало его судно, этот рыжеволосый моряк мысленно пролагал путь к кучке скользких базальтовых скал. Все эти шесть лет он торопился.

«Марко» стал самым отчаянным буксиром на всех островах. Разумеется, по разъяренному морю он не мог плыть прямиком. Приходилось лавировать, подставлять волне либо нос, либо киль. Но все-таки валы швыряли суденышко, как ваньку-встаньку,— то с одной стороны, то с другой появлялось выкрашенное суриком днище. Когда задувает зюйд-ост, волны в Атлантике встают стеной. Никто другой бы не совался с «Марко» в море. Кочегары не выдерживали, им там внизу казалось, что уже пришел конец, и они выскакивали на палубу и в ужасе следили за адской игрой. Только Рейнекреенсен не хватался за релинги и не глядел на борта своего судна. Заметив выскочивших кочегаров, он с руганью загонял их вниз. Сам стоял за штурвалом и, когда надвигалась волна, прямо вскидывал на ее гребень черно-желтую скорлупку «Марко». Со старого судна, затопленного у входа в гавань, натаскали пять тонн чугунных плит, положили их на дно буксира. Это, конечно, улучшило остойчивость «Марко». Но Фьел отлично знал, что буксиру недолго плавать... Он таскал за собой суда любого водоизмещения. все заколачивал деньги, клал в банк. Питался рыбой собственного улова. Если ничего не удавалось выудить, то ложился спать на голодный желудок, закурив перед сном.

— Только мне,— старик сжимал в горсти рюмку,— иной раз купит на судах бутылочку. Ведь вместе бежали из плена, вместе плавали. убили того японца, потом вместе плавали.

Лишь теперь мы разглядели, что рассказчик вовсе не такой старый.

— Скажите,— спросил я осторожно,— часто ли он встречался с Рози?

Старик надменно поднял голову.

— Они никогда, никогда больше не глядели друг на друга!.. По крайней мере об этом никто не знает.

Он снова помолчал, будто задремав.

— И все торопился, деньги копил, откладывал... Зачем ему деньги? Смешной вопрос...— Паузы между словами старика были необычайно продолжительными, иногда приходилось выжидать чуть ли не пять минут.— Насмешил ты меня... А ты не откладываешь деньги? Ха, все люди откладывают!.. И пуще смерти боялся, что «Марко» пойдет ко дну слишком рано. Спешил купить новый буксир. Зачем? Кто его знает! Хороший буксир может уплыть в страшную даль. Ведь он был один на этом базальте. Один, как перст...

* * *

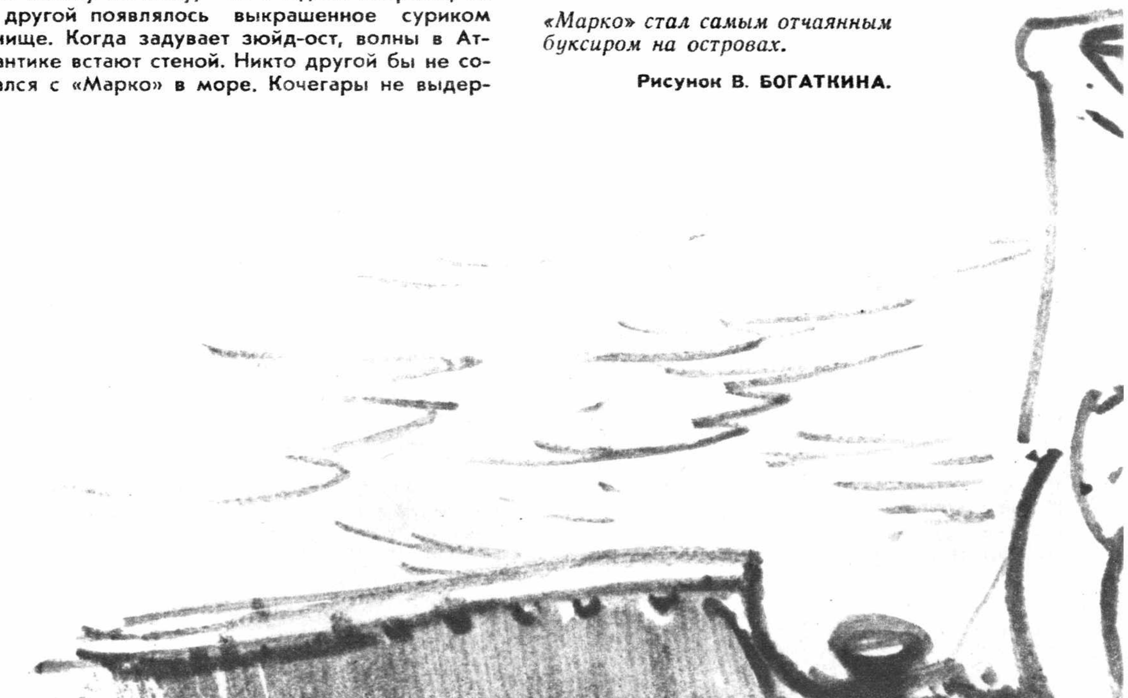
В тот день, когда затонул «Марко», губернатор островов попросил руководство нашей экспедиции направить несколько судов на поиски. Начальник экспедиции, разумеется, немедленно приказал судам тщательно обследовать архипелаг, по радио известил об этом губернатора и попутно запросил, почему в такую погоду дирекция гавани допустила выход буксира в море.

Свой ответ губернатор передал потом для опубликования в единственную газету на островах, «Фererne нюхедер»:

«Видите ли, у нас не Советский Союз. Мы дорожим свободой предпринимательства. Исходя из принципа неограниченной личной инициативы, мы не вмешиваемся в дела предпринимателей!»

Своим ответом губернатор очень гордился.

Перевел с литовского **И. КАПЛАНАС.**



«Марко» стал самым отчаянным буксиром на островах.

Рисунок **В. БОГАТКИНА.**





С этой молодой эстонской киноактрисой Терье Луйк вы знакомы: она с успехом выступала в фильме «Озорные повороты».
Фото Е. Умнова.

НЕПРОШЕНЫЕ «ОСВОБОДИТЕЛИ»

Филлип **БОНОСКИ**,
американский писатель

Мы живем в эпоху больших и быстрых перемен. Но какой бы быстротекущей ни была окружающая нас жизнь,— это не основание для того, чтобы упорно закрывать глаза на реальные факты действительности.

Я могу привести пример. Некоторым деятелям в Соединенных Штатах очень уж не хотелось признаться, что советская ракета первая достигла Луны. Это было им не по душе по явно политическим мотивам. Однако есть на свете люди науки, они уважают факты, и они подтвердили их непреложность. Упорствующим политикам пришлось бить отбой.

Но если оказалось возможным признать, что маленький предмет, созданный руками человека, «прилунился» на старом спутнике нашей Земли, почему, позволительно спросить, до сих пор некоторые люди в США никак не могут заставить себя помириться с другим очевидным фактом: с тем, что существуют Латвийская, Литовская, Эстонская советские республики, независимые государства, избравшие социалистический путь в братской семье народов СССР? Тем более, что государства эти, как известно, находятся не на Луне, а на нашей доброй Земле, видимы простым глазом и доступны для посещения любому иностранному туристу.

Когда я в прошлом году побывал в Литве, я собственными глазами увидел народ, настойчиво строящий новую жизнь. Это были живые люди, их руки касались моих, я слышал их слова и вглядывался в их глаза. Когда я ощупывал собственными руками цементную кладку на большой плотине, сооруженной возле Каунаса, это, право же, была не иллюзия, а самая неопровержимая реальность. И рабочие, которые строили плотину, были люди, свободнее которых мне еще не приходилось видеть.

Чем же можно оправдать тот факт, что в Соединенных Штатах кучка эмигрантов продолжает вопить об «освобождении» этих народов, давно уже свободных? И как можно объяснить, что американские власти не только молчаливо присутствуют при этих провокационных выходках, но и фактически им потворствуют?

13 июля несколько сот эмигрантов из Прибалтики собрались в каком-то зале в Нью-Йорке и разыграли некую «оперетту-буфф», в которой черное выдавалось за белое и все было поставлено с головы на ноги. Это было настолько диким, что даже нью-йоркская погода решительно запротестовала, и запланированное «шествие» по городу из-за дождя было отменено. Впрочем, дождь не охладил пыла одного из ораторов. Это был преподобный Рудольф Кивиранна, пастор нью-йоркской эстонской лютеранской церкви. Судите сами, имели ли его слова что-либо общее с его профессией служителя христова.

— Мы,— восклицал он,— не разделяем мыслей тех ослепленных европейцев, которые говорят: «Давайте жить в мире с Советским Союзом, чтобы избежать атомной войны». Эти трусливые души слишком боятся смерти!

Если эти слова произнесены человеком с нормальной психикой, то их можно понять так, что пастор Кивиранна объявляет Советскому Союзу войну. Он готов, осеняя себя крестным знамением, наблюдать, как американские атомные бомбы будут рваться над головами эстонцев, превращая их в пепел. Но он, видите ли, не может позволить эстонскому народу жить так, как хочет сам этот народ: в мире, в социализме. Преподобный варвар мечтает об Эстонии, Латвии и Литве, где царило бы спокойствие кладбища, где тела были бы мертвы, а «души» обрели бы «свободу»... на том свете.

Я считал, что подобного рода человеконенавистнический бред ушел в могилу вместе с Гитлером и его подручными. Но нет! Он раздается из уст не призраков, а живых людей. Призыв превратить мир в огромное кладбище звучит в Америке при молчаливом поощрении американских властей.

Проезжая по Советской Литве, я слышал рассказы о жертвах, понесенных литовским народом от рук гитлеровцев во время оккупации. Эта статистика истребления ни в чем не повинных людей потрясла меня. И вот преподобному Рудольфу Кивиранне, который, наверно, охает, порезав собственный палец, мало тех 80 тысяч, которые были расстреляны, повешены, замучены эсэсовцами.

Я привожу этот отвратительный эпизод, разыгравшийся в Нью-Йорке, для того, чтобы еще раз напомнить себе и всем здравомыслящим гражданам земли: если мы хотим завоевать мир, мы должны заставить замолчать людей, подобных этому Кивиранне, а заодно и тех, кто их поощряет.

В советских республиках Прибалтики свобода не является пустым словом. Она дает людям все возрастающее процветание, рост материальной и духовной культуры. Я видел города и села, где тьма отсталости и предрассудков рассеялась навсегда, где воздвигаются новые заводы, плотины, электростанции, школы и больницы, я слышал счастливый смех детей и видел сияющие спокойствием и удовлетворенностью улыбки родителей.

Те отщепенцы, нашедшие жалкий приют в «свободной Америке», исповедуют только одно: смерть. Советская Литва вместе со всеми свободными республиками Советского Союза отрицает смерть. Она строит жизнь. Хорошую жизнь, справедливую, достойную человека.



10 июля. Париж. Финальный матч на Кубок Европы по футболу. Атакует Виктор Понедельник (первый слева).



Первая прописка кубка — Москва

М. МЕРЖАНОВ.
Фото ТАСС и Ассошиэйтед Пресс

Итак, первую прописку Кубок Европы по футболу получил в Москве!

Наша сборная команда за последние два года прошла серьезные испытания. Вспомните чемпионат мира по футболу в Стокгольме, вспомните наши победы над командами Англии и Австрии в этом труднейшем соревновании. Затем — две победы над сильными венгерскими футболистами, блестящий выигрыш у национальной сборной команды Польши.

Значительно изменила свой состав наша команда. Она стала моложе, сильней и сплоченней. Это коллектив, который действует сообща и который имеет такие яркие футбольные индивидуальности, как Виктор Понедельник, Слава Метревели, Михаил Месхи.

Большинство спортивных обозревателей подчеркивает атлетизм и скоростные качества наших игроков. Несомненно, это так. Темп советских футболистов всегда ставил в тупик самые сильные европейские и южноамериканские клубы и вынуждал их искусственно охлаждать накал борьбы. Но объяснить победы только этим нельзя. В арсенале лучших советских команд, а значит, и сборной, есть такое оружие, как высокое искусство владения мячом на больших скоростях, что гораздо труднее, чем владеть этим же непослушным мячом на «малых оборотах», есть



В высоком прыжке Лев Яшин отбивает мяч.

свобода действий, инициатива, если хотите, хорошая игровая фантазия, которая раскрепостила наших футболистов от железных оков шаблона и сделала «язык комбинаций и маневров» более выразительным. Наконец, высокая волевая напряженность. Не она ли сыграла решающую роль в последних матчах на Кубок? И как тут не вспомнить знаменитый матч в Тампере (Финляндия) в дни XV Олимпийских игр, когда наша сборная проигрывала югославам со счетом 1 : 5, а за пятнадцать минут до конца уравняла результат! Судивший тогда матч английский судья Эллис заявил в печати, что он никогда не видел такого проявления моральных достоинств, как у советских футболистов. Теперь на стадионе «Парк де Пренс» тот же Эллис вновь убедился в бесценных волевых качествах наших игроков.

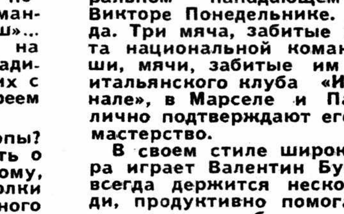
Мне не довелось увидеть эти встречи, но взволнованный репортаж Николая Озерова давал полное представление о «температуре» матча и невольно заставил подумать: «Если парни всей команды захотят, то Кубок будет наш»... Они захотели, и мы на днях на переполненном Центральном стадионе имени Ленина встречали их с драгоценным спортивным трофеем в руках!

Кто же завоевал Кубок Европы? Прежде всего хочется сказать о вратаре Льве Яшине, и не потому, что на спине черной его футболки значится единица. Вот уже много лет он восхищает нас своим искусством. Я помню его игру на стадионе «Нью Уллеви» в Гетеборге в одном из самых тяжелых матчей чемпионата мира — с Англией, когда он действовал безупречно и, собственно, обеспечил победу.

В защите сборной — два опытных футболиста, два Анатолия: Крутиков и Масленкин — и молодой игрок тбилисского «Динамо» Гиви Чохели. Он успешно заменил внезапно заболевшего В. Кесарева.

Полузащитники советской команды Игорь Нетто и Юрий Войнов едва ли не лучшая пара в Европе. Они известны далеко за пределами нашей страны, не раз попадали в различные «символические сборные» Европы и мира.

В нападении прежде всего надо отметить Валентина Иванова. Он несомненный дирижер всей пятерки нападения, по-хозяйски умеет распределять мячи, обладает сильными ударами по воротам.



Особо хочется сказать о центральном нападающем сборной Викторе Понедельнике. Ему 22 года. Три мяча, забитые им в ворота национальной команды Польши, мячи, забитые им в ворота итальянского клуба «Интернационале», в Марселе и Париже, отлично подтверждают его растущее мастерство.

В своем стиле широкого маневра играет Валентин Бубукин. Он всегда держится несколько позади, продуктивно помогает своим товарищам в обороне и в то же время является одним из самых опасных бомбардиров.

Оба крайних нападающих Михаил Месхи и Слава Метревели хорошо ведут атаки на флангах, отлично пользуются «финтом» — обманным движением, владеют мячом на большой скорости, а Метревели к тому же умеет точно и сильно пробить по воротам.

В матчах на Кубок Европы принимали участие и другие футболисты, которых хотелось бы назвать. Это Никита Симонян, Владимир Беляев, Владимир Кесарев, Виктор Царев, Анатолий Ильин, Сергей Сальников.

Большую творческую работу проделали наши тренеры, создавшие новую, гибкую тактику: Андрей Старостин, Гавриил Качалин, Михаил Якушин, Николай Гуляев и Георгий Глазков.

Таков футбольный коллектив, который одержал замечательные победы в Марселе и Париже.

Накал борьбы все нарастал. Взгляните, как дружны усилия наших футболистов Игоря Нетто, Гиви Чохели и Анатолия Крутикова! Атака отбита.



Браво, команда!

Реплика из Парижа

Жак МОДЭН,

спортивный обозреватель газеты «Юманите»

Дождь, зарядивший в Париже на весь день, не раз усиливался во время игры, превратил поле стадиона в нечто вроде травяного катка. Игрокам долго не удавалось приспособиться. Югославы справились с трудностями раньше, и свидетельство этому — 1 : 0 в их пользу в первой половине встречи.

Вообще каждая из борющихся команд в этой игре имела «свою» половину: Югославия — первую, СССР — вторую. Более «жадные» до мяча и более настойчивые в прорывах, югославские футболисты предложили в первой половине довольно напряженный темп, но их прорывы разбивались о твердую оборону советских игроков и, конечно, о мастерство советского вратаря.

После отдыха все изменилось. Советская команда вернулась на поле словно обновленной. Зрители испытывали подлинное наслаждение от игры советских футболистов. Они рвались к победе, мужественно отстаивали свое право на Кубок Европы. Югославы не сумели выдержать бешеного темпа, предложенного советской командой. В развернувшихся мощных и опасных атаках велика заслуга Валентина Бубукина, который увлекал за собой нападающих и с удивительной скоростью перемещался в оборону.

Наконец встречный гол! Давление советской команды продолжалось, хотя несколько поспешные действия нападающих давали возможность югославам вытеснять их со своей половины поля.

Судья назначил дополнительное время — и «пробил час» для югославской команды! Здесь-то и сказалась физическая подготовка советских спортсменов, превышающая подготовку их противников. В героическом сражении под проливным дождем одержали верх те, кто сумел сберечь больше резервов силы и настойчивости...

Еще и еще раз «душой» этого матча оказался Лев Яшин. Он повторил то, чем восхищались только что марсельцы во время встречи СССР — Чехословакия. Советский вратарь доподлинно творил «чудеса». С каким-то непостижимым спокойствием он парировал самые жестокие удары по воротам.

Не будет преувеличением сказать, что Лев Яшин безраздельно царил на своих 18 метрах. И он заслужил овации, которыми наградили его зрители.

Но, конечно, эти овации стали еще громче, когда все одиннадцать футболистов-мастеров из Советского Союза шли по кругу на стадионе «Парк де Пренс», неся почетный трофей — Кубок Европы!



— За всех, кто болел за нас!

Рисунок М. Вайсборда.





Наследные принцы

Фельетон

Владимир ТИТОВ

Сергея Дубченко раздирали противоречия.

Ноги Дубченко, повинуясь велению отощавшего бумажника, медленно тащились в дежурную столовую. Что же касается души, то она не желала считаться с бумажником. Душа протестовала: «Как это ты, Сергей, дошел до такого ужасного состояния! Ты, сибарит и гурман, будешь сейчас кушать — страшно сказать! — рубленый шницель с макаронами! Ты, наслаждавшийся благороднейшей смесью из ананасного сока с шампанским, будешь сейчас пить компот из сухофруктов стоимостью всего в 65 копеек! Если бы твои друзья-собутыльники узнали, до чего ты опустился, они не подали бы тебе руки!»

События, которые привели Сергея Дубченко к вышеописанному падению, развивались следующим образом.

С утра дела фирмы «Дубченко и К°» шли нормально. Некие иностранные джентльмены, оставив на время осмотр Москвы, продали Сергею партию модных дамских туфель. Джентльмены, несмотря на свои аристократические манеры, торговались, как простые барышники. И все-таки Сергею удалось добиться справедливой цены. Двенадцать пар остроносых туфель были погружены в такси, привезены к приятелю Дубченко и уложены аккуратными штабельками под диван.

Но не успел еще Дубченко подсчитать прибыль от этой операции, как в дверь настойчиво постучали. Этот стук и последовавший за ним обыск лишили Сергея не только вполне заслуженной прибыли, но и всего оборотного капитала. Туфли были изъяты сотрудниками УБХСС на основе таможенного закона.

Вот почему банкрот из 1-го Спасоналивковского переулка, сдав в ларек авоську коньячных бутылок, понуро брел в столовую.

Пока Дубченко оскорбляет свой желудок упомянутым шницелем с макаронами, разрешите ознакомить вас с некоторыми деталями из его жизни.

Сергей Дубченко принадлежит к тому разряду молодых людей, которые, испытывая сильное отвращение к труду, одобрительно относятся к его продуктам. Двадцать четыре года жизни Дубченко принесли обществу столько же пользы, сколько круги на воде от брошенного камешка. Шесть лет назад, окончив десять классов, Дубченко решил посвятить себя науке: он поступил на заочное отделение энергетического института. Через пару лет, заглянув в зачетку, Дубченко понял, что наука и он не имеют ничего общего.

Обретя свободу, Сергей Дубченко нашел, что одной свободы для джентльменского образа жизни недостаточно. Нужны деньги. А их у него было до обидного мало. Конечно, можно было бы пойти на завод или на стройку, но грубая работа могла испортить тонкие музыкальные пальцы юного эстета. И вообще Дубченко считал, что жизнь предназначила ему шлифовать не столько детали, сколько асфальт на улице Горького. Поэтому экс-студент решил заняться единственным видом труда, достойным джентльмена: куплей-продажей валюты и заграничного ширпотреба. И Дубченко пополнил собой компанию молодых шалопаев с насморочными голосами и походкой паралитиков.

Шалопаи вели образ жизни наследных принцев. Рабочий день у них был ненормированный. Они вставали в 12 часов дня, опохмелялись и отправлялись на службу, которая заключалась в обходе крупных гостиниц и в поисках потенциальных спекулянтов из числа иностранцев. К вечеру, нагруженные тряпками с заграничными этикетками, шалопаи возвращались домой и подсчитывали возможные барыши от предстоящей реализации добытых подштанников и подтяжек. А вечером — изысканный отдых в кафе и ресторанах.

Что еще нужно джентльмену? Доходы от торговли тряпьем обеспечили Дубченко высокий жизненный стандарт.

И вдруг — гром среди ясного неба! Райвоенкомат напомнил Дубченко о том, что он имеет не только права, но и обязанности, как-то: проходить службу в Советской Армии.

— Да как же я могу,— доказывал на комиссии Дубченко,— когда я, извиняюсь, того?

— Что значит «того»? — удивились члены комиссии.

— Ну того, дефективный, стало быть,— разъяснил он.— Ау! Гав-гав-гав! Му-у-у-у!

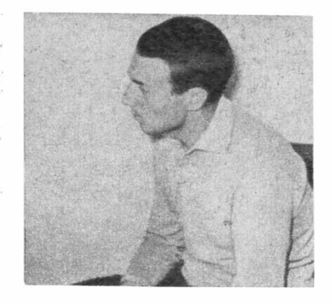
— Гражданин, ведите себя прилично! — оборвали его.

Но Дубченко не хотел вести себя прилично. Он изобразил носорога и пытался боднуть члена комиссии. Сейчас он был готов перевоплотиться даже в питона!

Но как ни мычал и бодался симулянт, его признали годным к несению строевой службы. Это решение очень не понравилось Дубченко, и когда ему вручили повестку, он не явился на сборный пункт.

Дезертир предстал перед судом. И вот Дубченко впервые в жизни пришлось заняться полезным для общества трудом... в исправительно-трудовой колонии.

Столь же интересную и насыщенную жизнь ведет и Юза Авальяни. Юза тоже считает, что всякий труд, как физический, так и умственный, ему противопоказан. Но питается Юза отнюдь не манной небесной: он ежедневно ест шашлык, запивая его старым кахетинским или «Хванчкарой». Сердобольные родители поддерживают своего отпрыска денежными переводами. Ну, а когда приходится туго, Юза не гнушается и черной работой: наживается на торговле заокеанским тряпьем.



В милиции С. Дубченко охотно соглашается:
— Да, да... Я вел себя... нехорошо!

Но подлинным украшением этой компании является Генрих Аракелян. Надо сказать, что это незаурядный человек. Он овеян легендарной славой едока... иностранной валюты. Здесь нет описки: Генрих, будучи пойманным с поличным при совершении незаконных валютных операций, в мгновение ока съел вещественные доказательства — стодолларовые ассигнации. Аракелян годами живет в Москве без прописки. Работники милиции с бухгалтерской аккуратностью раз в неделю берут у него подписку о выезде из Москвы и напоминают о карах, предусмотренных законом о паспортном режиме. Шалопай в ответ лишь ухмыляется. Помилуйте, он только вчера прилетел на самолете из Еревана, чтобы справиться о здоровье начальника паспортного стола! «Бизнесмен» знает, что не так уж страшен закон о паспортной прописке, как его рисуют работники милиции.

У каждого молодого «торговца» своя узкая квалификация. Один скупает и реализует доллары, другой — заокеанские подтяжки, третьи, как, например, Ю. Захаров, по кличке Иконщик, специализируются на продаже икон. На снимке вы видите этого «иконщика» в тот момент, когда комсомольцы-дружинники поймали его с «товаром».

Наступает вечер, и эти «мотыльки» в заграничном тряпье выпархивают на уличные огоньки. «Мотыльки» не сеют, не жнут, даже понаслышке не знакомы с трудовой книжкой, но, как и подобает истинным паразитам, обладают необычайно большими претензиями. Они уверены, что их пестренькие импортные крылышки украшают общество и в благодарность за это оно должно содержать их. «Мотыльков» не так уж много — не будем преувеличивать. Но их не так уж и мало — не будем преуменьшать. Они порхают по жизни, которую строят другие. Пусть другие работают, кипятятся, спорят — «мотылькам» до этого нет дела. Насколько пестр их гардероб, настолько они нищи духом. Когда Дубченко спросили, кто такая Валентина Гаганова, он недоуменно пожал плечами:

— Это актриса? Что-то я о такой не слыхал.

Высшая добродетель для них — элегантного покроя пиджак и туго набитый бумажник. Трудовые мозоли и рабочие комбинезоны вызывают у них презрительную усмешку. Они называют «серяками» тех, кто не имеет длинноносых штиблет, кургузого пиджака и галстука-бабочки на куриной шее. Мы спросили Дубченко, почему он, здоровый, молодой парень, нигде не работает и не учится.



Вот чем торговал «иконщик» Ю. Захаров.

— Работать? — усмехнулся негоциант.— Пусть работает трактор — он железный.

Вот оно, кредо тунеядца! Он не стесняется высказать его вслух. Ибо он знает, что уголовное законодательство излишне гуманно к нему.

— Ну что мы с ними можем поделать? — разводят руками работники милиции.— Нет такого закона, чтобы наказывать за безделье.

Да, действительно, такого пункта в уголовном законодательстве нет. Единственное, что могут сделать работники милиции,— провести с «торговцами» душеспасительную беседу. Те растроганно слушают, кивают головой, клянутся и уверяют, что исправятся в самый короткий календарный срок. Но стоит им выйти из милиции, как они вытирают слезы раскаяния и галопом направляются к ближайшей гостинице. Все начинается сначала.

А может быть, беседу с «наследными принцами» нужно вести не только в комнате милиции, но и на трибуне общественного суда? При свете прожекторов, при огромном стечении народа! А если и этого окажется мало,— выгнать их из города. Пусть все «торговцы» осознают основной моральный закон нашей жизни: «кто не работает — тот не ест».



Бойцы революционной армии Кубы.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

КАК ЭТО

Письмо для матери Зои и Шуры

«Дорогая сеньора!

У меня в гостях журналист из России. Он рассказал мне о Зое и Шуре. И мне захотелось сказать вам, их матери, несколько слов.

У нас с мужем восемь лет не было детей. У мужа была дочь от первого брака, но он хотел мальчика: ведь мужчина продолжает имя отца... Я очень любила мужа. И мне хотелось ребенка. Я молилась и просила помощи у бога. Через восемь лет он дал нам дитя. Когда моя падчерица подбежала к отцу и сказала: «Папа, мальчик!»,— он заплакал.

Мы назвали его Франком. Франк Паис. Он весил восемь фунтов — это не очень много. Отец взял маленького на руки и сказал:

— Я не знаю, мальчонка, что станет с тобой, но я очень хотел тебя. Бог знает, что тебя ждет, сынок. Но ты есть, и это все...

Через два года у нас родился Аугусто, еще через два года Хосуэ.

Муж болел гипертонией. Когда Франку исполнилось пять лет, отец моих детей умер.

Вы мать, и вы понимаете, что такое вырастить троих детей без мужа.

Нет любви большей, чем любовь матери к детям. Я любила всех троих. Но все-таки Франка чуть больше. Ведь мы его так ждали с мужем!

Они росли хорошими мальчиками. Франк, видимо, рано понял, что он старший мужчина в доме, и ему со временем предстоит содержать мать и братьев...

Я не знала, что он стал участником «Движения 26 июля». Он не говорил мне: боялся тревожить... Но я замечала, что в доме нашем часто собирается молодежь и много спорят, говорят о родине, о народе, о Хосе Марти, о Фиделе Кастро. Я не особенно прислушивалась. Я просто любовалась сыном. Говорил он замечательно. И остальные слушали его всегда со вниманием...

Однажды Франка арестовали. Но скоро выпустили. У них не было улик. Я стала догадываться о многом. Только догадываться... Но я решила поговорить с ним.

Я сказала ему все, что в таких случаях может сказать просто мать. О том, что он старший в семье, о его долге перед отцом, об опасности... Он выслушал меня внимательно, потом обнял, и я поняла, что ничего уже не смогу изменить. И больше никогда не пыталась. Только молила бога, чтобы ничего не случилось... Старалась удержать хоть младших. Но и они пошли за Франком.

Он вел революционную работу. Только гораздо позже я узнала, что мой сын руководил подпольем и снабжал Фиделя оружием, боеприпасами, продовольствием.

Однажды его снова арестовали. Это было в пятьдесят седьмом году, весной. Он не вернулся домой, а меня вызвали в полицию и сказали об аресте. Сказали еще, что и до меня доберутся...

Потом был суд... Я и не думала, что моего Франка так знают в городе. Зал был переполнен, и на улицах стояли сотни, а может быть, и тысячи людей. И все кричали: «Свободу Франку Паису! Свободу Франку Паису!» А он выступал на суде. Я не помню, о чем говорил мой сын. Только знаю, что люди сидели не шелохнувшись, а я смотрела на него, слов его не понимала и плакала...

Его не могли посадить, потому что весь город бушевал. Его освободили...

Потом снова несколько раз арестовывали. Один раз возили всю ночь по полицейским участкам — от одного к другому, и никто не соглашался взять моего сына к себе: боялись, что наутро, когда люди узнают, разнесут участок...

Он почти перестал ночевать дома. Каждую ночь — в разных местах. Только иногда прибежит вдруг под утро, принесет чего-нибудь поесть или денег, обнимет, поцелует, и снова нет его...

Несколько раз батистовские солдаты устраивали засады в нашем доме, чтобы поймать Франка. Я спрашивала офицера: «В чем вы его обвиняете?»

Он отвечал: «Ваш сын — идейный руководитель коммунистов в Сантьяго».

Что за глупость! Мой муж был священнослужитель. Франк — тоже добрый протестант. Он просто хотел, чтобы люди наконец вздохнули свободно и не голодали...

Тридцатого июня пятьдесят седьмого года убили Хосуэ, моего младшего сына. На него и его друзей напали солдаты Батисты. У мальчиков было оружие. Они защищались. Это было на улице. Я узнала об этом через час после того, как все было кончено...

В то время уже существовал твердый приказ — покончить с Франком. Я не знала тогда об этом. Франк скрывался.

Я хотела спасти своих детей: Франка и Аугусто. Пошла и попросила испанского консула, чтобы он принял нас в испанское подданство. Консул направился со мной в полицейский участок. Это было 30 июля, ровно через месяц после гибели Хосуэ. В полицейский участок, где мы находились, вдруг вбежал солдат и закричал:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27, 28.

БЫЛО НА КУБЕ

«Убили Франка Паиса! Убили Франка Паиса!»

Я подумала, может быть, это провокация... Я только сказала: «Покажите, где лежит убитый, возможно, я знаю его». Меня отвели. Это был он, мой Франк.

Его выследили, и солдаты нагрянули в дом, куда он зашел на минутку к товарищу. Франк хотел выхватить пистолет. Но в комнате были дети. Он положил пистолет на стол и молча пошел к двери. Как только он вышел на улицу, офицер приказал:

«Стреляйте! Это Франк Паис!»

Солдат выстрелил из автомата...

Дорогая сеньора Космодемьянская, я знаю, что в вашей стране многие-многие матери потеряли больше, чем двоих детей в войне. И на Кубе таких матерей достаточно. Я пишу вам, потому что сеньор журналист рассказал мне о ваших детях и ваша судьба показалась мне очень похожей на мою... У вас погибли дочь и сын, у меня — тоже двое. Шура погиб с оружием в руках, как Хосуэ, Зоя — безоружной, как Франк. Зоя, как и Франк, была партизанкой...

У меня остался один сын — Аугусто. Он для меня все, в нем — его братья и мой муж... Но если революции понадобится жизнь и третьего моего сына, я скажу Аугусто: «Иди и отдай свою жизнь...»

Дорогая сеньора, я не знаю вас, но мне кажется, вы думаете так же, как я... Потому что если знаешь, что дети отдали жизнь не зря, мать может только гордиться их смертью... Мне очень хотелось бы с вами встретиться... Может быть, это случится когда-нибудь. Мы бы поговорили о многом и, может быть, поплакали бы вместе.

Я впервые так подробно рассказываю о своих сыновьях, о своей семье... Мне хотелось бы получить от вас ответ...

Обнимаю вас, мать Зои и Шуры.

Росарио Гарсиа де Паис,
28, Сан Карлос, Сантьяго
де Куба. Ориенте, Куба».

Последние дни

Прошли лето и осень 1958 года. «Решающее» наступление войск диктатора Батисты на Сьерра-Маэстру провалилось. Ему не помогло американское вооружение — танки, артиллерия, автоматы, пулеметы; не помогли американские самолеты, заправлявшиеся горючим на американской военноморской базе в Гуантанамо, сбрасывавшие напалмовые бомбы на деревни Сьерра-Маэстры.

Повстанческая армия, разделившись на несколько колонн, перешла в контрнаступление. Еще весной 1958 года Фидель Кастро направил в северную часть Сьерра-Маэстры отряд бойцов под командованием своего брата Рауля, чтобы открыть там второй фронт и взять в тиски войска Батисты в провинции Ориенте. Этот фронт носил имя Франка Паиса. Рауль Кастро освободил территорию почти в 15 тысяч квадратных километров и организовал на ней Свободное государство Второго фронта Ориенте. Здесь действовали новые законы и зарождалась новая государственная система. Вместе с Раулем все бои прошла его жена Вильма Эспин — бывшая студентка из Сантьяго. Этот город был к зиме окружен колоннами Фиделя и Рауля Кастро.

Отряды под командованием бывшего аргентинского врача Че Гевара и Камило Сьенфуэгоса успешно действовали в центре Кубы — в провинции Лас-Вильяс, они окружили город Санта-Клара и двигались на Гавану.

Диктатура доживала свои последние дни.

...Новогодним утром первого января 1959 года Фидель встал, как всегда, свежим, но на этот раз сердитым и озабоченным. Штаб его стоял в Пальма-Сориано, захваченной три дня назад, и сегодня ночью повстанцы на радостях подняли стрельбу, салютуя в честь нового года. Радость естественная, но зачем палить?

Фидель выпил кофе и вышел из домика, где ночевал.

— Соберите всех, кто стрелял этой ночью в звезды,— распорядился он.— Транжиры! Я у каждого, кто палил, отберу по пятьдесят патронов — будут знать.

Прошло уже два года, как Фидель Кастро со своими единомышленниками высадился на берегу Кубы. В его отряд, состоявший из 12 человек, влились сотни и сотни новых бойцов. Но до сих пор Фидель чрезвычайно бережно и экономно, помня первые месяцы борьбы, относился к боеприпасам. До сих пор раздача их находилась в его ведении, и он лично отсчитывал патроны каждому бойцу. Вот почему пальба по звездам не выходила у него из головы.

Однако Фиделю Кастро не удалось исполнить свою угрозу в то новогоднее утро. В восемь часов гаванская радиостанция «Прогресс» сообщила о государственном перевороте в Гаване. Батиста бежал с острова. «Через несколько минут,— говорил взволнованный диктор,— мы полностью информируем наших слушателей о хаотическом положении на Кубе. В эти минуты в Кампо Колумбия проходит важное совещание, на которое созваны журналисты...»

Вечером 31 декабря высшие политические и военные деятели Кубы собрались на ужин в одном из домов Кампо Колумбия. Среди них присутствовал диктатор Фульхенсио Батиста.

Это была невеселая трапеза. В два часа пополудни в Санта-Клару по телефону был передан приказ Батисты: «Приступите к полному разрушению Санта-Клары. От города не должно остаться камня на камне. Только тогда можете сдать город врагу». Но гарнизон Санта-Клары отказался повиноваться. Он сдался безоговорочно повстанцам Че Гевара. Сантьяго тоже был накануне падения, окруженный колоннами Фиделя и Рауля Кастро...

За столом поднялся генерал Кантильо. Он откашлялся и оглянулся назад, будто ища поддержки.

— Во имя республики,— торжественно произнес он,— вооруженные силы решили, что генералу Батисте необходимо подать в отставку... Иначе,— добавил он после паузы,— к власти придет Фидель...

Батиста знал об этом, он еще днем подготовил текст отречения.

Предновогоднему невеселому собранию предшествовали совещания, на которых присутствовали не только кубинские политиканы. В середине декабря на Кубу вернулся из США американский посол Эрл Смит, а за два дня до нового года в Гавану негласно прибыл представитель государственного департамента США, директор управления по делам Карибского моря и Мексики Уильям Уиленд.

К тому времени отношение американских газет к революции на Кубе резко изменилось. «Нью-Йорк таймс», печатавшая когда-то статьи Мэтьюза, теперь писала: «Деловые круги США не хотят падения Батисты, опасаясь, что это скажется на полученных ими уступках». Перед самым новым годом эта же газета, поняв, что дело не в Батисте, в конце концов поставила вопрос откровеннее: «Необходимо сохранить проамериканскую диктатуру на Кубе!»

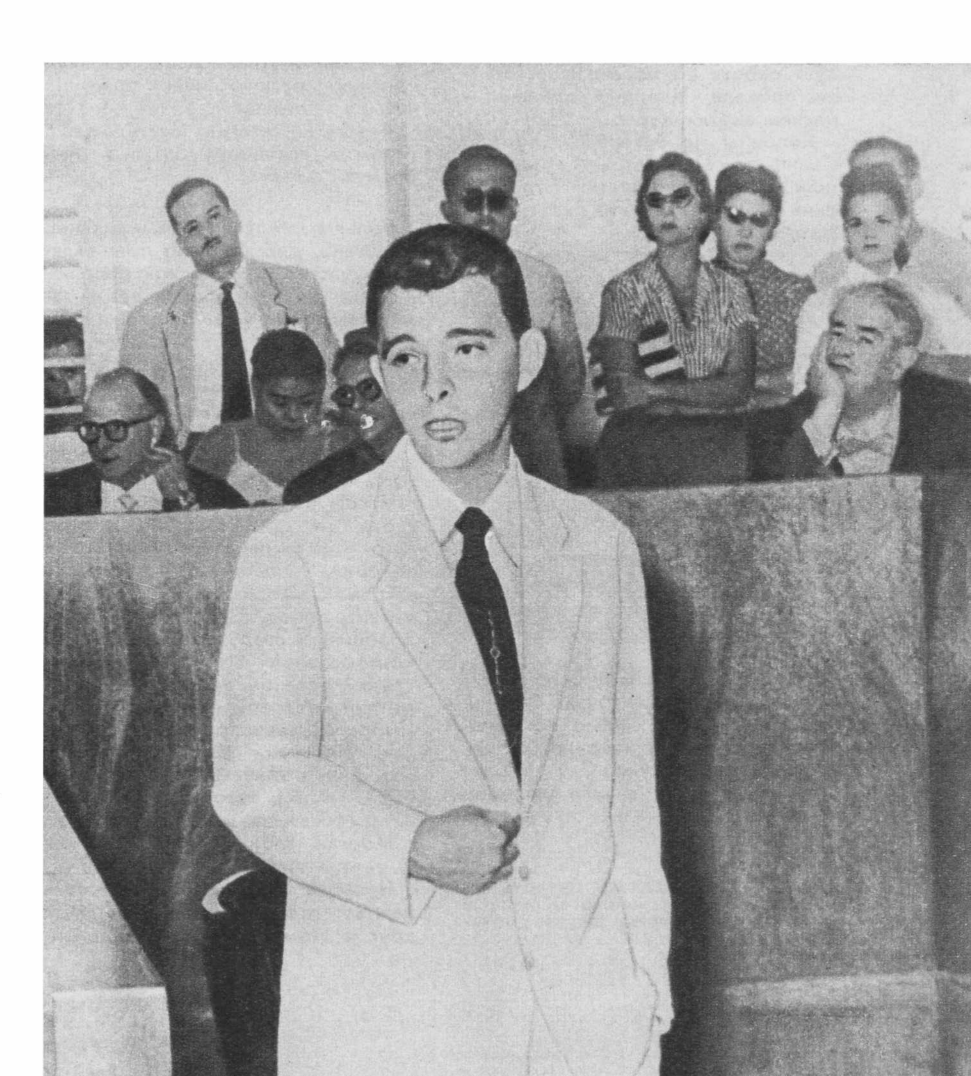
Именно эту цель преследовал посол США Эрл Смит, созвавший перед новым годом секретное совещание и предложивший разыграть комедию с отречением, а Батисту заменить на посту президента неким Карлосом Пьедра.

...Продиктовав отречение, Батиста вышел из особняка, сел в черный длинный «кадиллак» и укатил на аэродром, расположенный здесь же, в Кампо Колумбия.

Самолет взмыл вверх, навсегда увозя с острова Кубы его бывшего диктатора...

Батиста почти не взял с собой вещей. За несколько недель до нового года двести миллионов долларов были переведены за границу, в надежные банки на имя «путешественника» Фульхенсио Батиста...

Утром первого января 1959 года было объявлено, что военная хунта во главе с генералом Кантильо назначила президентом Кубы Карлоса Пьедра. А через час



Франк Паис выступает на суде.
(Фото из архива Гарсиа де Паис).

после этого вся Куба, припав к радиоприемникам, слушала голос Фиделя Кастро, звучавший из Ориенте на волнах повстанческой радиостанции «7-RR».

«...Какими бы ни были известия, приходящие из столицы,— неслось из репродукторов,— наши войска ни на минуту не должны прекращать огонь.

В столице, по-видимому, произошел государственный переворот...

Диктатура пала вследствие поражений, которые она терпела в последние недели...

Но это не значит, что революция уже победила.

Военные операции будут продолжаться непрерывно до получения соответствующего приказа командования повстанцев.

Революция — ДА!

Государственный переворот — НЕТ!

Военный переворот за спиной народа и революции — НЕТ!

Украсть у народа победу — НЕТ!

После семи лет борьбы за демократию победа должна быть абсолютной, чтобы никогда больше не повторилось десятое марта[1].

Быть бдительными — вот лозунг!

Трудящиеся всей республики должны внимательно следить за передачами радио повстанцев и готовиться ко всеобщей стачке...»

И стачка вспыхнула. Рабочие бросили станки, остановились поезда, такси, в городах закрылись магазины, кинотеатры, крестьяне ушли с полей, замолк шум на сахарных заводах, перестали ходить автобусы. По приказу повстанцев действовали лишь радио и телевидение, выходили газеты, чтобы информировать страну о событиях. Если даже хозяева газет не желали печатать вестей об успехах повстанцев, рабочие типографии все равно набирали такие статьи и печатали жирным шрифтом, указывая в заголовке: «Эта заметка опубликована вопреки воле владельца газеты...» Огромную работу по организации стачки провела Народно-социалистическая партия Кубы.

Колонны Че Гевара и Камило Сьенфуэгоса быстрым маршем шли на Гавану. Остатки батистовских войск не могли оказать им сопротивления.

К вечеру первого января гарнизон Сантьяго де Куба сдался колоннам Фиделя и Рауля Кастро.

Стачка — оружие рабочего класса,— парализовавшая остатки батистовского режима, сыграла огромную роль.

Война окончилась.

На маленьком острове, похожем на ящерицу, качающуюся на волнах Карибского моря, родилось новое государство.

Священный отец Веласко и другие

Шел третий час ночи, и по прежним временам игра только бы еще разгоралась. Но сейчас по зеленому шерстяному ковру тихо бродила пыльная скука. Скучал бармен за стойкой, скучал швейцар в дверях, скучали официанты, скучали крупье, с презрительным равнодушием разглядывая, как потрепанная проститутка ставит долларовую фишку сразу на четыре клеточки, надеясь взять 25 центов. Монотонно трещал костяной шарик...

— Шесть всегда шесть, даже утром... Банк... Асс не выпал... Игра закрыта...

Крупье безразлично выплевывали круглые, отшлифованные, как морские камешки, фразы. Руки механически двигали длинным полированным кием с лопаткой для костей на конце.

В зале стоял полумрак, только низкие зеленые столы, разграфленные на множество разноцветных клеток, секторов и сегментов, были ярко освещены. Народу было немного, и Чэпмэн сразу заметил, как вошел Нельсон.

Нельсон равнодушным взглядом скользнул по столам, на секунду остановил глаза на Чэпмэне и пошел к бару.

Чэпмэн передал желтый тонкий кий с пробковой рукояткой помощнику и тоже подошел к стойке.

— Ты говорил с Морганом? — спросил Нельсон, не здороваясь.

Чэпмэн кивнул и взобрался на высокий вертящийся стул.

— Куба либре,— сказал он бармену.

Тот плеснул в высокий стакан баккарди, бросил пригоршню мелко крошенного льда и налил шипящей кока-колы.

— Ну и что же? — Нельсон с нетерпением ждал ответа.

— В отеле «Капри» завтра. У него там номер.

— О'кэй! — Нельсон сполз со стула, бросил на стойку две долларовые бумажки и, не прощаясь, ушел.

Чэпмэн допил свою Кубу либре — «независимую Кубу», состоящую из одной части кубинского рома и пяти частей американской кока-колы — в этой смеси ром все-таки «побеждал» кока-колу,— и возвратился к столу. Проститутка снова ставила красную круглую фишку сразу на четыре клеточки.

— Шесть всегда шесть, даже утром...— выплюнул крупье очередную фразу...

Уильям Морган — американец из Огайо, добровольно принимавший участие в кубинской революции на стороне повстанцев,— заинтересовался предложением Чэпмэна, хоть и старался показать, что ему не очень-то нужно встречаться с каким-то американским другом крупье, у которого есть до него — Моргана — очень интересное дело, как сказал Чэпмэн.

Чтобы не пропустить ни одного слова из предстоящей беседы, Морган установил в номере отеля «Капри», где была назначена встреча с американцем, несколько магнитофонов. Запись оказалась хорошей, и сотрудники кубинской контрразведки в тот же день вместе с Морганом прослушивали короткий «деловой разговор», часть которого мы воспроизводим здесь:

«... **Нельсон.** Морган, у меня есть друг в Майами (город на юге США.— **Г. Б.**), который мог бы заинтересоваться в ваших услугах.

Морган. Моих услугах? Что вы имеете в виду?

Нельсон. Вы занимаете определенное положение на Кубе. Мой друг к этому вашему определенному положению мог бы добавить определенную сумму.

Морган молчит, потрясенный.

Нельсон. Мы знаем, что с вами и вашими друзьями не очень-то хорошо обошлись на Кубе. Вы не занимаете важных постов, не так ли? И это в благодарность за вашу помощь Фиделю Кастро!.. Я полагаю, что и вы лично не испытываете, видимо, особого прилива благодарных и нежных чувств к Фиделю. Не так ли?.. И кроме того, деньги — всегда деньги, даже, как говорят, утром.

Морган. Чего же от меня хочет ваш друг?

Нельсон. Дело предстоит интересное. Но я не уполномочен сообщать подробности. Это сделает мой друг сам при встрече с вами в Майами. Ведь вы сможете съездить туда ненадолго?

Морган. Возможно. А кто ваш друг?

Нельсон. Консул... Консул Доминиканской республики в Майами».

Через несколько часов магнитофонную запись прослушал и Фидель Кастро. Было решено «принять предложение Фреда Нельсона».

Это случилось весной 1959 года.

Первая встреча Моргана с консулом Доминиканской республики в Майами произошла в апартаментах на Дюпон-Пласа, которые занимал, как сказали Моргану, нелегальный торговец оружием некий американец Фред Бошер.

На встрече присутствовали Морган, консул Аугусто Фернандо, Фред Бошер и беглый батистовский генерал Маноло Бонитe.

Они сидели на диване и в креслах вокруг полированного круглого столика для журналов.

— ...Итак, будем считать установленным, что вы заинтересованы в этом деле,— продолжал консул, легко ударяя по столу мягкими подушечками пухлых пальцев.

— Назовите мне человека, который не был бы заинтересован получить такую сумму! — улыбнулся Морган.

— Совершенно справедливо,— согласился консул.— Для этого вам нужно очень немногое.— Аугусто Фернандо перестал играть подушечками и спокойно положил обе руки ладонями на стол.— Начать сотрудничать с нами. Ваша прямая задача — организовать силы, способные покончить с революцией и ее вождями.

Морган стал серьезным.

— Это будет нелегко,— сказал он медленно.

— Нелегко, я понимаю,— отозвался консул.— Поэтому мы намерены выплатить вам лично один миллион долларов в американской валюте. Половину этой суммы вы получите сразу после высадки на Кубу наших людей, вторую половину мы внесем в банк, который вы назовете... Его превосходительство, генералиссимус Трухильо...— консул сделал выразительную паузу и высоко поднял голову,— весьма заинтересован в осуществлении плана и ничего не пожалеет. План мы назовем, скажем, так: «Западное антикоммунистическое движение». А?

— Заманчиво,— произнес Морган,— но...

— Что но? — нетерпеливо спросил консул.

— Но мне нужны помощники, нужно подыскать помещение... Знаете, за одну идею никто на это не пойдет. Не то теперь время. Нужны деньги, чтобы пустить машину в ход...

Морган замолчал. Молчали и его собеседники. Консул смотрел на него в упор, испытующе. Фред Бошер — куда-то мимо, Боните беспокойно перебегал глазами с одного на другого. Наконец Фред Бошер откинулся на спинку стула.

— Ну так просите, что вам нужно!— будто получив команду, прервал молчание консул.

— Тысяч сто для начала, потому что...

— Вы их получите,— сказал консул.— Частями. По десять тысяч песо. Будете присылать за ними людей. Но только верных...

Фред Бошер поднялся со стула.

— А теперь идите.— Консул и Боните поднялись вслед за американцем.— Идите и спокойно, уверенно работайте.

Все трое протянули Моргану руки...

Вскоре в Майами приехал посыльный от Моргана, первый «завербованный им контрреволюционер», капитан кубинской контрразведки Рамирес. По чеку, выданному консулом Аугусто Фернандо, он получил в банке «Пан-Американ» десять тысяч долларов и вернулся на Кубу. Через некоторое время приехал другой «верный человек» — капитан Руис. Он благополучно проделал такую же операцию. Так, чередуясь, оба капитана за короткое время перевезли на Кубу сто тысяч долларов, которые были вовсе не лишними, например, для нужд аграрной реформы.

Прошло некоторое время. К маю 1959 года дом Моргана на углу 7-й авениды и 66-й кайе в Мирамаре, Гавана, уже был оборудован небольшой радиостанцией для прямой связи с Майами и Санто-Доминго. «Работа» шла вовсю.

Скоро радио Моргана приняло приказ прибыть в Майами «с до-



Остатки американского танка, подбитого повстанцами у Лас Мерседес.

[1] 10 марта 1952 года Батиста совершил государственный переворот и установил в стране режим диктатуры.



кладом об успехах». Так и значилось в приказе: «об успехах».

Второе совещание на Дюпон-Пласа началось в том же составе, что и первое.

Морган доложил об успехах. Консул слушал, одобрительно покачивая головой. Американец Бошер снова не произнес ни слова и смотрел куда-то поверх Моргана.

«Доклад» удовлетворил консула.

Поблагодарив Моргана, консул вдруг сказал торжественно:

— А теперь, мистер Морган, разрешите представить вам личного эмиссара генералиссимуса Трухильо отца Веласко.

Морган удивленно обернулся. В комнате стоял высокий человек в сутане и темных очках, закрывавших половину лица. Видимо, он вошел из второй двери, которая была в комнате.

Морган поднялся, готовясь получить крестное знамение. Но отец Веласко не расположен был зря терять время.

— Я слышал ваш доклад, мистер Морган,— быстро сказал он, сев верхом на стул и опершись подбородком о спинку.— Знайте, что генералиссимус весьма доволен вашей работой. И не только он...— Священник выразительно помолчал, взглянув на американца.— Вы получили обещанные сто тысяч?

— Да,— ответил Морган.

— Скоро вы получите оружие,— продолжал отец Веласко.— И все, что потребуется. Генералиссимус Трухильо вовсе не такой человек, как его часто изображают. Он человек слова. Правда, у него очень твердые, жесткие руки... Но вы сами понимаете, в наше время с народом иначе нельзя...

Морган с готовностью кивнул.

В заключение беседы Морган получил от консула списки и адреса действительных контрреволюционеров, прятавшихся в Гаване. Это было главным результатом встречи.

В конце июня Веласко приехал в Гавану. Он собрал у Моргана все списки «недовольных», «завербованных», «сочувствующих», «неустойчивых». Потом в доме на 7-й авениде состоялась его встреча с некоторыми из «завербованных» Морганом людей.

Он подолгу беседовал с «контрреволюционерами» в доме Уильяма Моргана. Видимо, он хотел удостовериться, действительно ли успехи Моргана и его помощников так велики, как докладывалось. Результаты проверки его удовлетворили. Так ничего и не заподозрив, Веласко отбыл...

В конце июля Морган снова уехал в Майами. Теперь он отправлялся не для доклада и не за деньгами. Морган вместе с капитанами Руисом и Рамиресом должны были «тайно» пригнать на Кубу яхту с оружием, боеприпасами и амуницией.

К этому времени дом Моргана на углу 7-й авениды и 66-й улицы в Мирамаре, одном из районов Гаваны, стал настоящим штабом контрреволюции. Я пишу это слово без кавычек, потому что в составе контрреволюционных сил были не только люди, вступившие туда по поручению кубинской контрразведки, но и действительные контрреволюционеры, список которых Морган получил от доминиканского консула в присутствии американского «торговца оружием».

Людей, имеющих основания быть «недовольными» революцией, было на Кубе не так мало.

Каждый новый закон революционного правительства, возглавляемого Фиделем Кастро, вызывавший ликование в народе, увеличивал число «имевших основания».

Через два месяца после победы революции правительство снизило на 50 процентов квартирную плату и стало строить жилые дома для продажи бездомным по умеренным ценам.

Правительство снизило цены на местные и импортные медикаменты на 20—30 процентов.

Правительство уменьшило плату за телефон и электричество, вернув народу десятки миллионов песо.

Правительство создало несколько сот народных магазинов, чтобы продавать товары крестьянам по нормальным ценам.

17 мая 1959 года на торжественном заседании, состоявшемся в центре овеянной легендами Сьерра-Маэстры, был принят закон об аграрной реформе. По этому закону на Кубе ликвидировались все латифундии и отменялась иностранная собственность на землю. Экспроприированные земли распределялись среди крестьянства. Упразднялись все формы аренды. Компенсация за экспроприированную землю должна была выплачиваться в течение 20 лет из расчета 4,5 процента годовых.

В стране был создан национальный институт аграрной реформы— ИНРА — для проведения в жизнь закона, принятого 17 мая, и для помощи крестьянам в создании сельскохозяйственных кооперативов.

Бывшие латифундисты, а вместе с ними бывшая батистовская военщина, мощные финансисты, лишившиеся баснословных доходов, образовали ядро внутренней контрреволюции. Это внутреннее ядро активно поддерживалось извне: американские монополии, терявшие свои позиции на Кубе, не желали мириться со свободным демократическим государством, возникшим рядом с территорией США. Революционное правительство Кубы начало пересматривать контракты и договоры с иностранными компаниями, которые противоречили интересам развития кубинской экономики. Оно изгнало со своей территории военную миссию США, начало расследовать деятельность американских компаний, которые благодаря незаконным сделкам с Батистой грабили кубинский народ.

Внешняя и внутренняя реакция объединилась в организации заговоров против революционного правительства...

Доминиканский диктатор Трухильо играл в этих заговорах подсобную роль. Он тоже «имел основание» ненавидеть революционную Кубу, служившую светлым примером для доминиканцев, которые, как опасался Трухильо, могли с охотой стать на путь своих кубинских братьев.

...Яхта уже была готова к отплытию из Майами и только ждала прибытия Моргана. Ее купили доминиканский консул и капитан Руис в окрестностях Майами на деньги, снова полученные в американском банке. Она стоила сорок тысяч долларов. Для закупки оружия Морган получил через банк «Пан-Америкэн» сто сорок пять тысяч долларов. Новенькие, хорошо смазанные автоматы, пулеметы, гранаты вместе с ящиками, заполненными патронами, снарядами и минами, покоились в яхте.

Как помогло бы это оружие Фиделю и его друзьям два с половиной года назад, когда восемьдесят два человека вынуждены были бросить в топком болоте около деревушки Белик все, что они с таким трудом раздобыли в Мексике!

Яхта беспрепятственно отошла от берегов Соединенных Штатов и взяла курс на юг. На палубе, кроме Моргана и капитанов Руиса и Рамиреса, пребывавших в прекрасном расположении духа, никого не было.

По плану, разработанному в Майами, это оружие должны были в ночь с 7 на 8 августа получить контрреволюционеры. Вооружившись, они должны были захватить город Тринидад на южном побережье Кубы, принять на его аэродроме помощь от Трухильо и двинуться на Гавану.

Накануне «операции Тринидад», в пятницу 7 августа, в доме Моргана было назначено решающее совещание, где предстояло утрясти последние детали выступления.

По тихим, освещенным редкими фонарями улицам Мирамара, круто спускающимся к набережной, осторожно пробирались люди, стараясь держаться ближе к деревьям, чтобы свет не падал на их лица.

Совещание было назначено на 7 часов вечера. В центральной комнате особняка, где посредине стоял большой полированный стол, «будущие хозяева Кубы» спорили о президенте. Кого назначить? Посты премьера, министра просвещения, министра обороны были уже твердо распределены. Что же касается президента, то вопрос оставался открытым. Контрреволюцию, как видно, разъедала групповщина.

В 9 часов 30 минут, когда спор достиг апогея, «заместитель» Моргана капитан Менойо, не принимавший активного участия в споре, встал, спокойно вышел из комнаты и вернулся с ручным пулеметом в руках.

Собравшиеся, прервав спор, с удивлением смотрели на него. Менойо, не торопясь, установил пулемет на письменном столе в углу.

— Что это ты делаешь? — поинтересовался «министр обороны».

— Одну минутку, сейчас разъясню...

Менойо взвел затвор и сказал:

— Ну вот что, хватит развлекаться!

— Брось дурить! — сказал «министр обороны», отстраняясь от дула пулемета.—Глупые шутки! Он же может выстрелить.

— Ладно, ребята,— произнес Менойо условленную фразу, и сотрудники контрразведки, сидевшие у стен, направили на заговорщиков пистолеты.

Они стояли в полном молчании, видимо, еще плохо соображая, что произошло.

— Руки на шею! — приказал Менойо.

Открылась дверь.

— А вот еще один неплохой офицер, которого мы сумели вовлечь в наше «контрреволюционное» движение,— сказал Менойо.

В комнату большими шагами вошел Фидель Кастро...

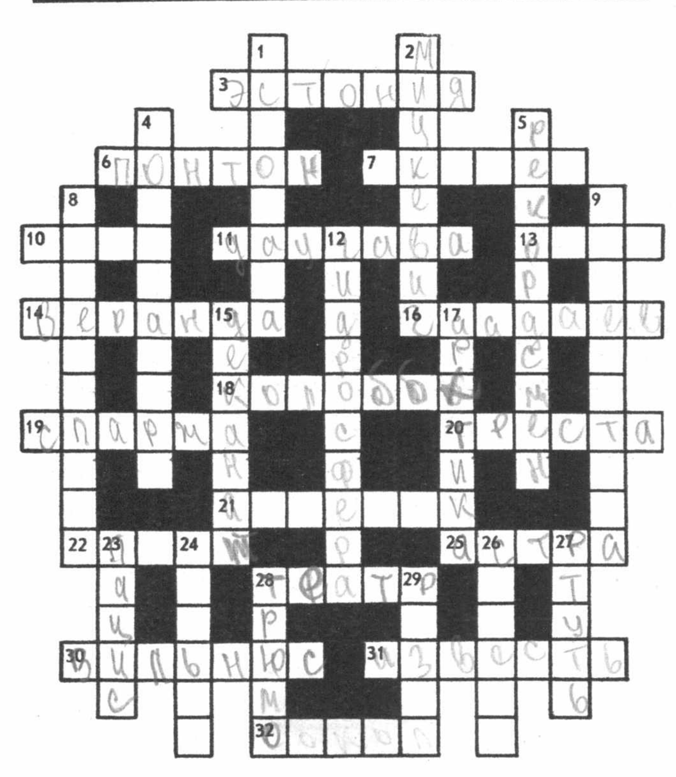
Через несколько часов к причалу «Регла» в Морро, около Гаваны, подошла яхта, глубоко, по самую ватерлинию, сидевшая в воде. Ее встречало несколько человек, в том числе и Фидель Кастро. Быстро началась разгрузка. Скоро на молу, освещенном лучом небольшого прожектора, лежало кучей оружие, привезенное на Кубу с территории США...

— Было бы лучше получить от них тракторы,— сказал Фидель.— Но ничего, и это пригодится...

Теперь надо было спешить в Тринидад, где готовился последний акт спектакля...

Окончание следует.

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Союзная республика. 6. Опора плавучего моста. 7. Спортивное судно. 10. Крупа из крахмала. 11. Футбольная команда. 13. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 14. Пристройка к дому. 16. Автор «Философических писем», друг А. С. Пушкина. 18. Русская народная сказка. 19. Овощное растение. 20. Солома льна, конопли. 21. Мост, несущий трубопровод. 22. Обрыв вдоль южного берега Финского залива. 25. Цветок. 28. Вид искусства. 30. Столица союзной республики. 31. Вяжущий материал, применяемый в строительстве. 32. Птица семейства ястребиных.

По вертикали:

1. Прием в фехтовании. 2. Польский поэт. 4. Украшение вокальной партии. 5. Спортсмен, достигший наивысшего результата. 8. Эстонский народный эпос. 9. Раздел механики. 12. Водная оболочка Земли. 15. Руководство факультетом. 17. Полярная область земного шара. 23. Народный писатель Латвии. 24. Лососевая рыба. 26. Остров в Балтийском море. 27. Жидкий металл. 28. Высокое зеркало. 29. Довод, основание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

5. Доцент. 7. Сфинкс. 8. Павленко. 10. Геология. 11. Литва. 12. Осипов. 13. Ратин. 16. «Запорожсталь». 17. Балетмейстер. 21. Хоста. 22. Трость. 23. Щегол. 26. Рапсодия. 27. Регистан. 28. Монако. 29. «Илиада».

По вертикали:

1. Потанин. 2. Тепловоз. 3. Киноварь. 4. Актиний. 6. Тана. 7. Слон. 9. Обсерватория. 10. Гроссмейстер. 14. Апсель. 15. Шапито. 17. Батискаф. 18. Раевский. 19. Ротатор. 20. Команда. 24. Ядро. 25. «Огни».

ТАИНСТВЕННЫЙ ПЕВЕЦ

Несколько дней летнего отпуска я провел в лесах Лотошинского района Подмосковья. Однажды забрел я в глушь. Вдруг над головой металлическим колокольчиком зазвенела трель. Я вздрогнул от неожиданности. Звонкая песенка повторялась с небольшими паузами. Мои попытки отыскать певца, так оживившего темный лес, не дали успеха: его не было видно.

Вот поэтическая трелька зазвенела в кроне соседней елки. Каково же было мое удивление, когда на толстом суку дерева я увидел вместо птицы рыжую красавицу с пышным хвостом — белочку! Стало ясно, что белка слушала. Желая, видимо, получше насладиться песней, она тихохонько, со всеми предосторожностями перешла на другой сучок, поближе к певцу, почистила ушки с пушистыми кисточками и, приподняв голову снова замерла.

Наконец певец смолк и показался. Можно было хорошо разглядеть его зеленовато-оливковое оперение и желтое темя. Таинственным певцом оказалась самая маленькая в Подмосковье птичка — королек. Весит она всего пять-шесть граммов.

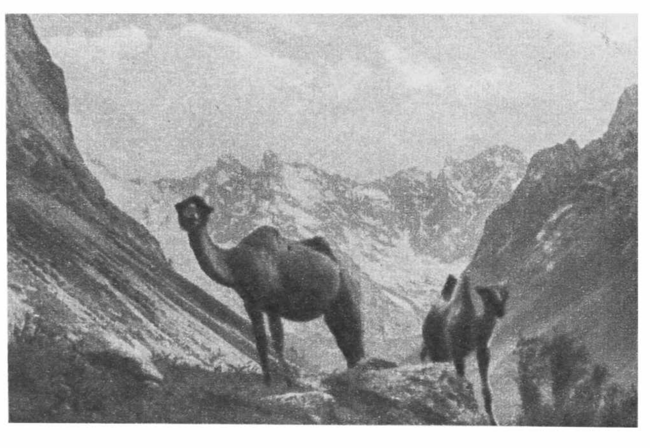
Ф. СМИРНОВ



ЧУДО-ЛОЗА

Сколько лет может плодоносить виноградная лоза? Десять? Пятьдесят? Оказывается, больше. В крымском совхозе «Судак» выращивают сортовой виноград «кокур», лозам которого больше восьмидесяти лет. Семидесятилетний чудо-куст сорта «изабелла» на симферопольской туристской станции в минувшем году дал семьсот килограммов винограда. Старые кусты винограда взяты на учет управлением сельского хозяйства, за ними ведется наблюдение.

Галина САНЬКО



ВЫСОТА — 3 500 МЕТРОВ

Кто не знает верблюда, «корабля пустыни»! Но верблюда можно встретить не только среди пустынь и сухих степей, а и высоко в горах, на границе вечных снегов. Этот снимок сделан на высоте около трех с половиной тысяч метров в горах Памиро-Алая.

А. ДАНИЛОВ

ЧУТКИЙ УГОРЬ

Угри живут в реках и озерах, имеющих связь со Средиземным, Северным и Балтийским морями, для размножения уходят в западную часть тропических вод Атлантического океана, преодолевая около 7 тысяч километров, размножаются на больших



глубинах и после икрометания погибают. Обыкновенный европейский пресноводный угорь нерестится в Саргассовом море, молодь течениями переносится в европейские реки и через Средиземное море входит даже в реки Сирии. Для того, чтобы пересечь Атлантический океан, молодым угрям требуется два с половиной года. Своеобразное устройство жаберного аппарата и малая потребность в кислороде позволяют угрям переползать по суше из одного водоема в другой. Обычно они ползут под утро, когда выпадает роса.

Своеобразна реакция угрей на свет. Сильный луч света заставляет их уходить на глубину, слабый свет привлекает. Это используют рыбаки, освещая воду около орудий лова свечой или лампой.

Интересный случай, который произошел недавно с датскими рыбаками, открывает еще одну особенность угрей. Рыбаки плыли на двух лодках. У одной группы улов был обильный, у другой — незначительный. Это озадачило рыбаков. Удочки, наживка, крючки одинаковые, а добыча в четыре раза меньше. В чем же дело?

Тогда неудачники обратили внимание на то, что в другой лодке никто не курит, а их пальцы, трогавшие наживку, были пропитаны запахом никотина. Рыбаки-курильщики вымыли с мылом руки, и вскоре угри стали клевать.

В. МУНТЯН

ПАМЯТНИК XV ВЕКА СОХРАНЕН

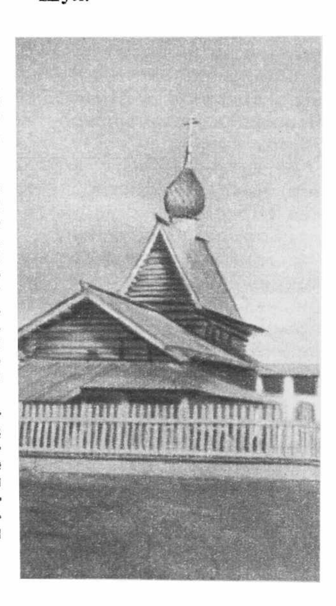
Большая стройка — Волго-Балтийский водный путь — вызвала необходимость перенести старинную Бородавскую церковь, построенную в 1485 году, на новое место, в город Кириллов, Вологодской области. Церковь представляет собою небольшую рубленую клеть, перекрытую двухскатной высокой крышей. Деревянный купол крыт «лемехом» — лопатковидной щепой. Работы по устройству редкого памятника архитектуры на площадке музея в Кириллове закончены осенью прошлого года.

Ранее церковь стояла при впадении речки Бородавы в Шексну, в двадцати двух километрах от города. Это было бойкое место на водном пути в древнее Заволочье: здесь встречались волжские и шекснинские суда. В начале XVIII века церковью заинтересовался, проезжая по этим местам, Петр Первый. Он распорядился перенести ее в Петербург. Однако приказ не был выполнен.

В 1936 году здание осмотрел искусствовед Я. П. Гамза. Его зоркий глаз открыл здесь двенадцать икон кисти знаменитого художника Дионисия Ферапонтова. Мирянин Дионисий с сыновьями Феодосием и Владимиром в 1500 году расписывал собор в Ферапонтовом монастыре. Часть икон, написанных Дионисием, впоследствии попала в Бородавскую церковь, приписанную к монастырю. Ныне иконы находятся в Москве в музее имени Андрея Рублева. Две из них экспонировались на Всемирной выставке в Брюсселе, а одна была выставлена в Советском павильоне в Нью-Йорке в числе других замечательных образцов древнерусской живописи.

Произведения Дионисия Ферапонтова в музее Андрея Рублева хранятся временно. Они должны вернуться в Кириллов, где их увидят лишь немногие посетители районного музея. Было бы правильнее оставить эти картины в Москве.

С. ИЛЬИН,
член Географического общества СССР
Шуя.



Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

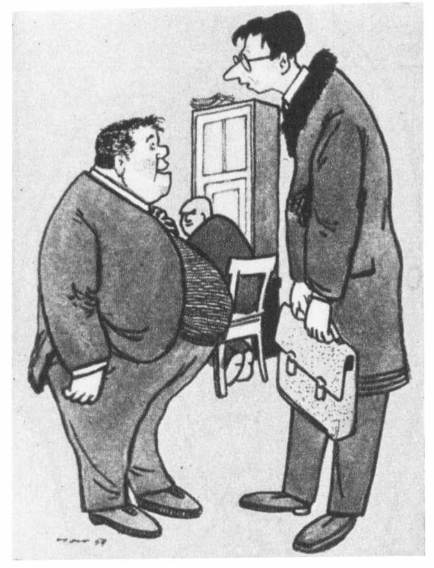
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06393. Подписано к печати 13/VII 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 1157. Заказ 1906.

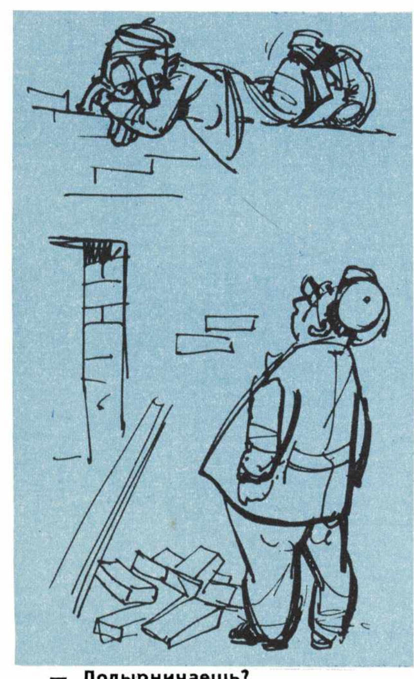
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



«ПИККЕР» («ГРОМОВЕРЖЕЦ»).
Таллин.



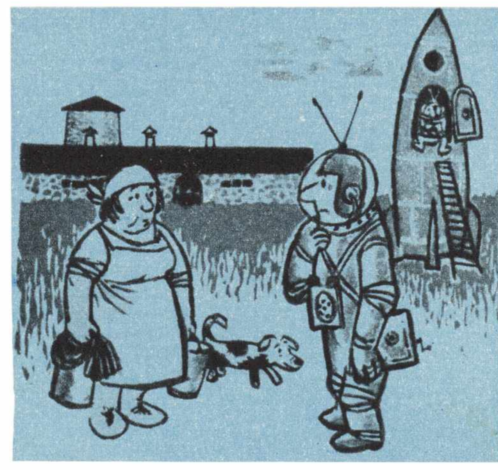
— Не организовать ли нам в новом учреждении вечер знакомства?
— Зачем же, большинство сотрудников мои родственники и друзья.
Рисунок Э. Пихо.



— Лодырничаешь?
— Нет, экономлю стройматериалы.
Рисунок Э. Вальтера.



Эстет.
Рисунок Э. Пихо.



— Простите, нам нужно попасть на Млечный Путь...
— Вы не ошиблись. Нигде нет так много молока, как в нашем колхозе.
Рисунок Г. Цилитиса.



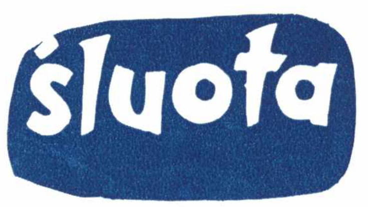
На суде.
— Все началось с того, что я за него поручился!
Рисунок Э. Ошса.



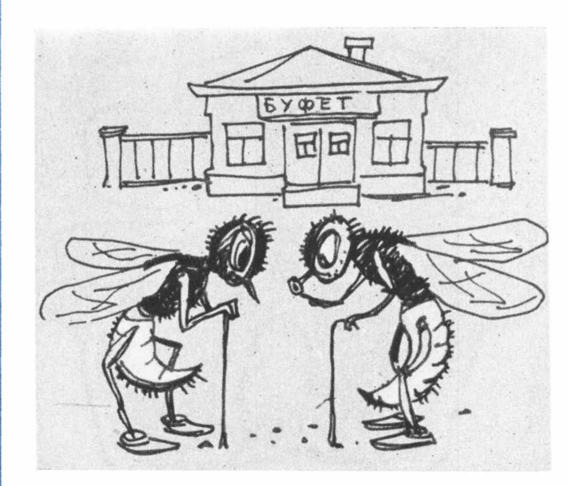
Переэкзаменовка.
Рисунок Г. Цилитиса.



«ДАДЗИС» («ЧЕРТОПОЛОХ»).
Рига.



«ШЛУОТА» («МЕТЛА»).
Вильнюс.



— Где будем проводить лето?
— Как всегда — в буфете.
Рисунок И. Касчунаса.



Прогрессивная баба-яга.
Рисунок Р. Пальчаускаса.



Портрет болельщика.
Рисунок И. Тумавичуса.

У НАС В ГОСТЯХ


Цена номера 3 руб.